

18+

Алекс Вайс

Три месяца до развода

«Автор»
2026

Вайс А.

Три месяца до развода / А. Вайс — «Автор», 2026

- Разведемся. Сегодня.- Нет.- Мы виделись один раз! Пять лет назад, на чужой свадьбе, и ты был пьян.- Ты тоже. И «да» ты сказала сама.Я организую чужие похороны и знаю, чем заканчивается любая любовь. Свою свадьбу я, оказывается, тоже организовала. Только забыла.Шуточная выездная регистрация оказалась настоящей. Мне нужен развод, чтобы спасти семейное бюро, а ему три месяца брака: под одной крышей, с общими ужинами и его правилами.- Правило первое: ты живешь у меня.- Правило второе: ты меня не касаешься.- Договорились. Пока сама не попросишь.Он думает, что купил себе время. Я думаю, что продержусь. Мы оба ошибаемся.В тексте есть: фиктивный брак, встреча через время, властный герой, от ненависти до любви, черный юмор.Счастливый финал. 18+

© Вайс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прощание 5
Глава 2. Запись 8
Глава 3. Жена 11
Глава 4. Совет 14
Глава 5. Условия 17
Глава 6. Линейка 20
Глава 7. Ужин 23
Глава 8. Кольцо 26
Глава 9. Носильщик 29
Глава 10. Правда за правду 32
Глава 11. Папка 35
Глава 12. Докажи 38
Глава 13. Экспертиза 41
Глава 14. Собеседование 44
Глава 15. Хоспис 47
Глава 16. Прощание при жизни 50
Глава 17. Утро после 53
Глава 18. Совет 56
Глава 19. Метель 59
Глава 20. Запонки 62
Глава 21. Комарово 65
Глава 22. Пункт четвертый 68
Глава 23. Кредит 71
Глава 24. Список 74
Глава 25. Крюков 77
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Алекс Вайс
Три месяца до развода

Глава 1. Прощание

Вдова и любовница пришли в одинаковых платьях.

Черное кружево, открытая спина, длина чуть ниже колена. Я заметила это у дверей зала, пока принимала венки, и первой мыслью было не «какой ужас», а «одна и та же витрина на Большом проспекте». Второй мыслью было: у меня сорок минут, сорок два стула и одна покойная репутация, которую еще можно спасти.

- Ника Игоревна, - Илья наклонился к моему плечу. От его пиджака пахло канифолью. Восемь лет в оркестре не выветриваются даже из шерсти. - Они друг друга уже видели.

- И?

- Вдова спросила, кто это. Ей сказали: коллега.

- Коллега по чему?

Илья покраснел. Он краснеет от слов «любовница», «кремация» и «счет к оплате», и я до сих пор не понимаю, как он прожил у нас третий год.

- Ладно. Вдову в первый ряд, слева, рядом с внуками. Вторую в третий ряд справа, у колонны. Колонна закрывает обзор, но не до конца. Пусть видит гроб, а не жену.

- А если она захочет сказать речь?

- Скажешь, что список закрыт. Список у нас всегда закрыт, если я так решила.

Илья ушел. Я поправила ленту на венке от проектного института. «Дорогому Виктору Палычу от отдела водоснабжения». Ленту я поправляю голыми руками: в перчатках шелк выскальзывает, и надпись съезжает набок, как у пьяного. Мелочь. На мелочах в нашем деле держится все, от прощания до брака.

Мне двадцать шесть. Из них семь я провожаю чужих людей в последний путь. Пришла в бюро в девятнадцать, когда хоронили маму, и бабушка вместо того, чтобы плакать, дала мне мамин калькулятор и сказала: «Считай, во что нам обходится горе». Я посчитала. С тех пор считаю.

Сейчас считала так: шесть венков, одиннадцать человек в зале, двое из них в одинаковых платьях, и обе плачут в одинаковые платки. Платки белые, с синей монограммой «В.П.».

Виктор Палыч, царство ему небесное, покупал подарки оптом.

Любовница сидела у колонны и комкала платок так, будто хотела задушить его вместо покойника. Я подошла и присела на соседний стул.

- Это он вам подарил? - спросила я тихо.

Она посмотрела на меня. Глаза мокрые, но внимательные. Бухгалтер, решила я. Или юрист. Люди, которые умеют считать, плачут с открытыми глазами.

- Да.

- Вдова держит точно такой же.

Женщина опустила взгляд на платок. Потом на первый ряд. Потом снова на платок. Я видела, как до нее доходит: не обида, а унижение, одно на двоих.

- Уберите, - сказала я. - Не ради нее. Ради себя. Завтра вам захочется вспомнить его без злости, а платок будет пахнуть этой сценой.

Она убрала платок в сумку и застегнула молнию. Вдова до конца прощания так ничего и не заметила. Это и есть моя работа: чтобы никто ничего не заметил.

Сорок секунд молчания я отмеряю по секундомеру. Дольше начинают ерзать, короче обижаются. Сын сказал речь про водопровод в Колпино, который отец проложил в восемьдесят

третьем. Внук уронил телефон. Звук был такой, будто покойник постучал изнутри, и пожилая родственница перекрестилась дважды. Я поймала взгляд Ильи. Он отвернулся к стене, и плечи у него дрожали. Хорошо, что спиной к залу.

Когда все разошлись, вдова подошла ко мне. Маленькая, прямая, с обручальным кольцом, которое болталось на высохшем пальце.

- Вы ее пересадили, - сказала она.

Я промолчала.

- Я видела. Спасибо, деточка. Сорок шесть лет брака, а прощание единственное, что прошло без сюрпризов.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Я осталась стоять у пустых стульев с ощущением, что меня наградили орденом, на котором написано «за участие».

Бабушка ждала в конторе за залом. Там пахнет бумагой, геранью и валерьянкой, которую Зоя Павловна не пьет, а держит для клиентов. Сама она пьет коньяк из чайной чашки и называет это давлением.

- Банк звонил, - сказала она, не поднимая головы от калькулятора. - Дают.

- Сколько?

- Четыре миллиона. Под залог здания.

Я села. Здание на Васильевском, наше, с подвалом, где прадед держал фанерные гробы, а в блокаду, по семейной легенде, прятал соседского кота от голодных соседей. Сорок лет бюро «Тихая гавань» провожает людей отсюда. Сорок лет и три месяца долгов по аренде холодильной камеры, налогам и новому катафалку, который мы купили, потому что старый заглох на Дворцовом мосту прямо во время разводки. Покойник тогда ждал, пока мост сведут, вместе с нами. Ему было все равно. Нам нет.

- Подвох? - спросила я.

- Маленький. Здание ты три года назад выкупала у города на себя, в рассрочку, по закону для малого бизнеса. Значит, по бумагам оно твое. - Зоя протянула мне распечатку и постучала ногтем по сноске внизу. - Нужна справка из ЗАГСа о семейном положении. Если залогодатель в браке, нужно нотариальное согласие супруга.

- Я не замужем.

Бабушка посмотрела на меня так, как смотрела, когда мне было семь и я отрицала, что съела все конфеты из вазы, сидя с шоколадом на щеке.

- Вот и принесешь им бумажку, что не замужем.

Справку я заказала через госуслуги в тот же вечер. Пришла она через три дня, в среду, когда я выбирала гроб для девяностолетней балерины, которая завещала похоронить себя в пуантах. Пуанты были у нас. Гроба нужной длины не было: балерина при жизни любила говорить, что в ней метр шестьдесят пять, а в морге намерили метр семьдесят два. Последняя ложь великой женщины.

Я открыла письмо прямо на складе, между двумя дубовыми ящиками.

«Справка о наличии сведений о государственной регистрации заключения брака».

Наличии.

Я перечитала слово. Потом строчку ниже.

«Савельева Вероника Игоревна и Ланской Матвей Андреевич. Дата регистрации: 14 июня. Место регистрации: выездная церемония, Ленинградская область».

Пять лет назад.

Я села на дубовый ящик. Он был не для меня, но в ту минуту мне было все равно.

- Ника Игоревна? - Илья заглянул на склад. - Балерина. Длина. Вы нашли?

- Нашла, - сказала я. - Мужа.

Илья моргнул. Выдержал паузу ровно сорок секунд, как я его учила.

- Поздравляю? - спросил он осторожно.

- Пока не знаю, - сказала я. - Кто такой Ланской Матвей Андреевич?

Илья достал телефон, набрал и повернул экран ко мне. На экране было здание из стекла, логотип и строчка: «Ланской Девелопмент. Реконструкция исторических кварталов Васильевского острова».

Я смотрела на экран, и в голове у меня было одно: у меня есть муж, и этот муж скупает дома на моей улице.

Глава 2. Запись

Во дворце бракосочетаний на Фурштатской пахло лилиями и мастикой для паркета. Лилии я узнаю с закрытыми глазами: мы закупаем их у того же поставщика. Белые, восточные, с тяжелым сладким запахом, который у одних людей ассоциируется со свадьбой, у других с моргом. Я из вторых.

Сотрудница отдела архива была в бежевом костюме и с лицом человека, которому за неделю четыре раза сказали «это какая-то ошибка».

- Ошибки нет, - сказала она, развернув ко мне монитор. - Запись акта о заключении брака. Вот номер, вот дата, вот орган. Выездная регистрация, муниципальное образование Всеволожского района.

- Я не подавала заявление.

- Заявление в деле есть. Подано за тридцать два дня до регистрации, лично, обоими. Вот подписи.

Она подвинула ко мне копию. Бланк, мое имя, мои паспортные данные, мой адрес тех лет на Детской улице. Подпись внизу была похожа на мою так, как похожи сестры: те же петли, тот же хвост у «С». Но я никогда не ставлю точку после фамилии. А здесь точка стояла.

- Это не я подписывала.

- Тогда это подделка документов, - ровно сказала сотрудница. - Это к полиции и в суд. Мы запись не аннулируем. Мы ее храним.

- А развестись?

- По обоюдному согласию через нас. Без согласия супруга через суд.

Слово «супруг» она произнесла с той же интонацией, с какой я произношу «покойный». Профессионально, без лишнего.

Я вышла на Фурштатскую. В скверике напротив фотографировалась невеста: юбка как торт, жених в бордовом, у обоих на лицах то выражение, которое я потом видела у вдов на прощании. Вера, что все это надолго.

Я позвонила Кире.

Кира вышла замуж пять лет назад, в июне, в усадьбе «Богословка» под Всеволожском. Расписывались прямо там, на выездной регистрации: усадьба в списке площадок ЗАГСа, Кира полгода стояла в очереди на июньскую субботу. Шатер, гирлянды, сто двадцать гостей, из которых знакомых у меня было восемь. Одного из гостей память вернула мне только сегодня.

- Ника! - Кира всегда отвечает так, будто ждала звонка всю жизнь. - Ты жива? Ты пропала на месяц, я уже решила, что тебя саму похоронили.

- Кира. Кто такой Эдуард?

Тишина в трубке была короткой, но очень выразительной.

- Какой Эдуард?

- Который вел у тебя на свадьбе шуточную регистрацию. С папкой, с печатью. В фотозоне.

- А. - Еще одна пауза. - Слушай, а давай я приеду?

Она приехала через сорок минут, с двумя стаканами латте и с лицом человека, который несет на подносе собственную голову.

Мы сели на лавку в Таврическом саду. Кира пила латте и молчала. Это было так непохоже на нее, что я начала бояться.

- Эдик троюродный брат Сережи, - сказала она наконец. - Он правда работал в ЗАГСе. Выездным регистратором. Он нас и расписывал, по-настоящему, с книгой, с печатью. А потом, после церемонии, остался на фотозону. Для смеха. Чтобы гости «женились» понарошку, а он ставил им штамп в шуточное свидетельство.

- И брал у них паспорта.

- Для бланка. Чтобы красиво вписать имена. - Кира поставила стакан на лавку. - Ника, клянусь, мне никто ничего не сказал. Он потом пропал, развелся, переехал куда-то. Сережа с ним не общается.

Я закрыла глаза, и вспомнила.

Не всю свадьбу, а кусками. Шатер, жара, Кира в платье, которое ей сшили за три дня до свадьбы, потому что первое порвали при примерке. Шампанское теплое. Я там была после ночного прощания, не спала сутки, а вокруг было слишком много счастливых людей.

Потом фотозона. Арка из белых роз, Эдуард в смешном галстуке-бабочке с красной папкой. Очередь из пар, хохот.

- А вот одинокая барышня! - кричит он мне. - Барышня, без пары не уйдете!

Рядом со мной стоит мужчина в расстегнутом пиджаке. Высокий, без галстука, с бокалом, который он не пьет, а держит, как держат гранату. Я вижу его впервые. Он тоже здесь чужой, это видно по тому, как он стоит: спиной к стене, лицом к выходу.

- Вы похожи на человека, которому скоро на похороны, - говорю я ему. Тогда я считала это остроумным.

Он поворачивает голову. Глаза серые, внимательные.

- А вы на того, кто будет хоронить.

- Угадали.

- Пойдемте, - говорит он и протягивает руку. - Хоть кто-то здесь честный.

Эдуард спрашивает: «Согласны?» Я говорю «да» на спор с Кириной сестрой, которая поставила тысячу, что не скажу. Он говорит «да» так, будто ничего смешного не происходит. Эдуард просит паспорта «для красоты». Мы отдаем.

Дальше провал. Утро, моя квартира, болит голова, в сумке шуточное свидетельство с надписью «Брак заключен на небесах, оформлен в шатре». Я выбросила его в тот же день.

- Ника? - Кира трогала меня за рукав. - Ты бледная.

- Я замужем, - сказала я. - Пять лет. За человеком, с которым говорила три минуты.

- За кем?

- За Ланским.

Кира поперхнулась латте. Она прокашлялась, вытерла рот салфеткой и посмотрела на меня с ужасом и чем-то еще, очень похожим на восхищение.

- За тем самым? Который скупает Васильевский? Ника, у него «Порш» и банкротство в прошлом!

- Откуда ты в курсе про банкротство?

- Про него в «Фонтанке» писали. Отец от него отрекся публично, прямо на каком-то форуме. Сказал: «У меня нет сына, у меня есть убытки».

По дороге позвонила Зоя.

- Банк спрашивает про справку, - сказала она. - Я сказала, что ты везешь. Ты везешь?

- Бабушка, я замужем.

В трубке стало тихо. Потом звякнула чашка о блюдце.

- За живым хоть?

- За живым. За Ланским.

- Это который дома у нас на линии скупает? - Зоя помолчала. - Ну что ж. Хоронить его, по крайней мере, будет недорого: у него своя фирма, свои рабочие. Банк дает тридцать дней, Ника. Через тридцать дней предложение сгорает, и мы с тобой продаем катафалк, чтобы заплатить за холодильник.

- Я разберусь.

- Разберись. И не плачь в машине, у тебя тушь не водостойкая.

Я не плакала. Я поехала обратно на Фурштатскую.

Вечером я вернулась в архив ЗАГСа: сотрудница работала до восьми. Я попросила одно: показать, кто и когда запрашивал сведения о записи.

Она долго смотрела в экран. Потом подняла на меня глаза, и в них впервые за день появилось что-то кроме профессиональной усталости.

- Запросов было два, - сказала она. - Первый ваш, три дня назад, через госуслуги. Второй ровно год назад, лично, в этом кабинете. Заявитель Ланской Матвей Андреевич.

Год. Он знал об этом целый год.

Глава 3. Жена

Офис «Ланской Девелопмент» занимал бывший доходный дом на Петроградке. Фасад отреставрировали так тщательно, что он выглядел моложе, чем в год постройки. Внутри было стекло, бетон и лестница без перил, по которой хотелось подниматься, держась за стену.

На ресепшене сидела девушка с идеальным пучком и выражением лица, отработанным на курьерах и просителях.

- Вам назначено?

- Нет.

- Матвей Андреевич не принимает без записи. Могу записать вас на следующую неделю. На четверг.

- В четверг у меня кремация, - сказала я. - Передайте ему, что пришла жена.

Пучок дрогнул. Девушка посмотрела на мои ботинки, на черное пальто, на сумку, в которой лежала распечатка справки, и я видела, как она перебирает варианты: сумасшедшая, журналистка, бывшая. Слова «жена» в ее вариантах не было.

Я сама услышала это слово впервые вслух. Оно оказалось тяжелее, чем я ожидала. Как урна, которую берешь в руки и удивляешься весу.

Девушка подняла трубку и сказала в нее что-то тихо. Потом положила трубку и встала.

- Пятый этаж. Вас ждут.

Ждут. Я поднималась по лестнице без перил и считала ступени, чтобы не думать. Восемьдесят шесть. На восемьдесят седьмой стоял он.

Пять лет назад я видела его в сумерках, пьяная и бессонная. Сейчас был день, и в окнах было много света. Высокий. Темный свитер без логотипов. Часы на запястье простые, стальные. Лицо такое, которое в нашем деле называют «держит форму»: скулы, жесткая линия рта, ничего лишнего. Серые глаза те же.

Он смотрел на меня без удивления.

- Вероника Игоревна, - сказал он. - Проходите.

- Вы меня узнали.

- Сразу.

- А я вас нет.

- Знаю. В интернете я в галстуке. Галстуков я не ношу.

Кабинет был почти пустым. Стол, два стула, макет квартала на подставке у окна. Мой квартал. Я нашла на макете наш дом: маленький, серый, с крошечной вывеской «Тихая гавань», которую кто-то аккуратно нарисовал от руки. Вокруг стояли белые коробки новых зданий.

- Вы и вывеску нарисовали, - сказала я.

- Макетчик. Я попросил оставить.

- Зачем?

- Чтобы помнить, что там кто-то живет.

- Или чтобы помнить, что этот дом вы еще не купили.

- Его не продают.

- Откуда вам это известно?

- Я спрашивал у вашей бабушки. Дважды. - Он сказал это так же ровно, как все остальное. - Во второй раз она пообещала забальзамировать меня бесплатно, если я приду в третий.

- Зоя Павловна держит слово.

- Я заметил. Поэтому третьего раза не было.

Я села без приглашения. Он сел напротив. Между нами было два метра стола, и пахло от него не одеколоном, а чем-то сухим, древесным, с горчинкой цемента. Так пахнут стройки весной.

- Вы делали запрос год назад - сказала я.

- Год и два месяца.

- Знали и молчали.

- Да.

- Почему?

Он подумал. Не изображал, а именно подумал: я видела, как он взвешивает ответ.

- Потому что правда вам была не нужна. У вас были долги, бабушка и работа. Муж, которого вы не помните, в этот список не входил.

- А теперь входит?

- Теперь вам нужен залог. Банк попросил справку. Справка пришла. - Он чуть развел руками. - Вы здесь.

Я положила распечатку на стол между нами.

- Я хочу развод. Быстро. По обоюдному согласию, через ЗАГС. Подписываете заявление, и через месяц мы друг другу никто.

- Нет.

Он сказал это без нажима. Так говорят врачи, когда анализы плохие: спокойно, чтобы пациент не устроил сцену.

- Нет? - переспросила я.

- Нет.

- Вы понимаете, что запись поддельная? Заявление подписывала не я. Я никогда не ставлю точку после фамилии.

- Я тоже не ставлю, - сказал он. - На моей подписи там точка стоит.

Я замолчала. Это было неожиданно. Неожиданное в моей работе случается редко, и я его не люблю.

- Вы тоже были пьяны?

- Нет. Я был трезв.

- Это хуже.

- Намного, - согласился он.

- Значит, нас кто-то поженил.

- Значит, кто-то поженил.

- И вам это зачем-то выгодно.

- Сейчас да.

- Ну хоть честно. - Я откинулась на спинку стула. - Знаете, у нас в бюро есть правило: с клиентом, который не хочет хоронить, не спорят. Ждут. Рано или поздно все приходят.

- Вы мне угрожаете?

- Я вам рассказываю про бизнес. Вы же любите бизнес.

Угол его рта дрогнул. Не улыбка, а намек на то, что улыбка у этого человека в принципе существует, просто хранится где-то глубоко, в сейфе.

- Через суд, - сказал он, - без моего согласия, развод займет месяцы. Суд даст время на примирение. Я попрошу максимальное. Я также подам встречное заявление о признании брака действительным: заявление было, подписи были, регистрация была. Доказывать подделку придется вам. Эдуард пропал. Свидетелей двое, и оба были пьяны. Банк ждать не будет.

- Вы и про банк знаете.

- Я знаю все, что касается моей жены.

Это слово он произнес иначе, чем я. Не как вес урны, а как факт, к которому привык.

Я посмотрела на его руки на столе. Крупные, со шрамом через костяшки правой, с аккуратно подстриженными ногтями. Руки, которые держат. Мне всегда были интересны руки: по ним видно, как человек поведет себя у гроба. Этот бы не плакал. Этот бы стоял и держал гроб, пока остальные плачут.

Мне не понравилось, что я об этом подумала.

Дверь приоткрылась. Девушка с пучком внесла поднос: два кофе, сахарница, салфетки, сложенные уголком. Поставила его на край стола и посмотрела на меня так, будто запоминала приметы для протокола.

- Матвей Андреевич, совет переносит встречу на шесть.

- Хорошо, Аня.

Аня вышла, но дверь прикрыла не до конца. В щель было видно, как она наклоняется к соседнему столу и что-то шепчет. Через час весь пятый этаж будет в курсе, что у начальника есть жена в черном пальто и ботинках на плоской подошве.

- Она сейчас всем расскажет, - сказала я.

- Рассчитываю на это.

- Чего вы хотите? - спросила я.

Он встал, подошел к окну, к макету. Провел пальцем по крыше моего дома. Палец остановился над вывеской.

- Разведусь с вами через три месяца, - сказал он, не оборачиваясь. - Подпишу все: заявление, согласие на залог, что попросите.

- А взамен?

Он повернулся. В кабинете стало тихо, только где-то далеко внизу работал перфоратор.

- Эти три месяца вы проживете со мной.

Глава 4. Совет

Она ушла, не ответив. Встала, взяла сумку, кивнула, как кивают на прощании родственникам, которых видят первый и последний раз. Кофе не тронула.

У двери обернулась.

- Вы понимаете, что это похоже на шантаж?

- Это и есть шантаж, - сказал я. - Только вежливый.

Дверь закрылась тихо. Она даже дверями не хлопает. Я постоял у окна и посмотрел, как она выходит из подъезда, останавливается, достает телефон, убирает обратно. Идет к машине. Машина старая, серебристая «Шкода» с вмятиной на заднем крыле. На стекле наклейка «Тихая гавань. Ритуальные услуги. Круглосуточно».

Круглосуточно. Я тоже.

В шесть собрался совет.

Совет директоров «Ланской Девелопмент» это семь человек за овальным столом. Четверо пришли от отца, когда тот вышел из бизнеса. Двое мои. Седьмой Глеб.

Глеб мой сводный брат. Его мать вышла за моего отца, когда мне было двенадцать, а Глебу девять. С тех пор Глеб улыбается. Улыбается, когда выигрывает, когда проигрывает и когда врет. Улыбка у него отличная, на нее работали лучшие стоматологи города.

- Коллеги, - начал Глеб, когда все расселись. - Повестка короткая. Через девяносто два дня голосование по стратегии. Банки хотят стабильности. Инвесторы хотят стабильности. А у нас генеральный директор, который пять лет назад обанкротил «Северную верфь», не женат, не имеет детей и живет на объекте.

- Я живу в квартире деда, - сказал я.

- Которую ты восстанавливаешь третий год. Без кухни.

- Кухня есть.

- Без посуды.

Двое отцовских хмыкнули. Глеб улыбнулся шире.

Банкротство было. «Северная верфь» умерла у меня на руках шесть лет назад, когда мне было двадцать восемь и я был уверен, что докам на Канонерском нужен лофт, а не снос. Банк закрыл кредитную линию за месяц до сдачи. Отец вышел на сцену инвестфорума и сказал в микрофон: «У меня нет сына. У меня есть убытки». Зал засмеялся. Я тоже был в зале.

После этого я три года строил заново. Без его денег. Потом он заболел и вернул мне компанию так же публично, как отнял. Глебу это не понравилось.

- Предлагаю, - продолжал Глеб, - создать комитет по оценке рисков руководства. Временный. Для спокойствия банков.

Комитет. Через девяносто два дня комитет решит, что генеральный нестабилен, и генеральным станет тот, кто улыбается.

Год назад я готовил документы под кредит на квартал на Васильевском. Банк попросил справку о семейном положении. Я заказал ее, чтобы поставить галочку.

Справка пришла с ее именем.

Лицо ее у меня осталось. «вы похожи на человека, которому скоро на похороны» Фамилии не было. Узнал ее из справки. Потом нашел бюро, вывеску, бабушку с калькулятором, долги. И ничего не сделал.

Не сделал, потому что у брака, о котором знает только один человек, нет веса. Это бумага. А бумаге я верю больше, чем людям.

Я положил на стол ладонь.

- Комитет не нужен, - сказал я. - Я женат.

Стало тихо. Слышно было, как гудит вентиляция в стене. Шесть человек смотрели на меня. Седьмой, Глеб, смотрел на мою руку. Кольца на ней не было.

- Давно? - спросил кто-то из отцовских.

- Пять лет.

- И молчал?

- Жена не любит публичности. Она работает с людьми в трудной ситуации.

Это была правда. Почти вся правда, если не считать того, что жена сегодня ушла из моего кабинета, не допив кофе и, возможно, навсегда.

Совет закончился через двадцать минут. Комитет отложили. Глеб остался сидеть, когда все вышли, и крутил в пальцах ручку.

- Красиво, - сказал он. - Я не ожидал.

- Я заметил.

- Кто она?

- Моя жена.

- Это ясно. - Улыбка. - Имя, фамилия, где работает, какого размера кольцо, которое ты ей не носишь.

Я встал и пошел к двери. Не ответил. С Глебом это лучшая тактика: молчание он не умеет использовать.

На улице стоял октябрь, мокрый, с запахом залива. Я поехал не домой, а на Седьмую линию. Там стоит дом, который мы расселяем. В квартире на третьем этаже живет Анна Марковна, восемьдесят четыре года, бывший редактор «Лениздата». Она отказывается переезжать. Мои юристы предлагали ей деньги, квартиру в новом доме, суд.

Я зашел к ней с пакетом мандаринов и бумагами.

- Опять вы, - сказала она, впуская. - Что на этот раз? Приставы?

- С договором. Квартира остается за вами. Пожизненно. Ремонт за наш счет. Дом мы реконструируем вокруг вас.

Она надела очки, прочитала договор. Целиком, все шесть страниц. Нашла опечатку в пункте четыре и подчеркнула ее ногтем.

- Зачем вам это? - спросила она.

- Чтобы вы перестали писать про меня в районную газету.

- Врете, - сказала она с удовлетворением. - Но опечатку исправьте.

Я исправил. Ручкой, на месте, и расписался рядом.

Дома было тихо. Квартира деда на Кронверкском, пять комнат, три из них в лесах. Я проверил, закрыта ли дверь на террасу. Привычка со времен верфи: знать, где выходы. Потом налил воды в единственный стакан и сел у окна.

Она смотрела сегодня на руки. Долго, внимательно, будто решала, буду ли я плакать на собственных похоронах. И еще у нее на нижней губе была трещинка, которую она трогала языком, когда злилась. Злилась она часто. Трогала часто.

Это в мои планы не входило. Трещинка входила все равно.

Позвонил Лев. Лев мой младший брат, единственный родной, реаниматолог в городской больнице. В тот вечер, когда отец отрекся от меня на форуме, Лев единственный приехал ко мне с бутылкой и обработал руку, которую я разбил о стену. Шрам на костяшках с той ночи.

- Ты женат, - сказал он вместо приветствия.

- Откуда?

- Глеб звонил. Спрашивал, не я ли был свидетелем. Я сказал, что был, чтобы он отстал. Теперь ты мне должен свадьбу, которой не было.

- Она была.

В трубке стало тихо. Потом что-то звякнуло: Лев всегда ест на ходу, между вызовами.

- Пять лет, - сказал он. - Я твой брат, а узнаю от Глеба. Кто она?

- Она хоронит людей.

- Прекрасно. Я их не спасаю, она их хоронит. У нас с ней общая клиентура. Познакомишь?

- Если она согласится остаться.

- Есть шанс?

- Она ушла и не допила кофе.

- Тогда дело плохо, - сказал Лев серьезно. - Женщины, которые не допивают кофе - это не к добру. Ладно, у меня ДТП на Обводном. Не спи сидя.

Он отключился. Через минуту телефон загорелся снова. Глеб.

«Твоя жена? Покажи. В пятницу приеду к вам на ужин. Познакомишь».

Глава 5. Условия

Юриста мне посоветовала Кира. Кира чувствовала себя виноватой и поэтому оплатила консультацию вперед, не спросив меня. Я злилась на нее ровно до того момента, как увидела счет.

Юриста звали Ирина Вадимовна. Ей было за шестьдесят, она носила мужской пиджак и курила тонкие сигареты в форточку своего кабинета на Литейном.

- Вариантов три, - сказала она, выслушав. - Первый: он соглашается, вы разводитесь через ЗАГС за месяц. Это сказка, и вы ее уже прослушали.

- Он отказался.

- Второй: развод через суд. Если супруг против, суд может дать срок на примирение. До трех месяцев. Он попросит максимум, судья даст: брак пятилетний, детей нет, спешить некуда. Плюс заседания, плюс отложенные заседания. Полгода, если повезет.

- А третий?

- Признание брака недействительным. Статья двадцать седьмая и двадцать восьмая Семейного кодекса: нет добровольного согласия. Вы считали это шуткой, это заблуждение, иск подает супруг, чьи права нарушены, то есть вы. Подложное заявление отдельная история, это уголовная статья, подделка документов. - Ирина Вадимовна выпустила дым в форточку. - Нужна почерковедческая экспертиза, нужен регистратор, который подтвердит, как все было. Где ваш регистратор?

- Пропал.

- Тогда год. Может, больше. Если ваш муж будет возражать, а он будет, потому что иначе зачем ему отказываться, то два.

- У банка тридцать дней.

- Двадцать шесть, - поправила она, взглянув на мою распечатку. - Вы уже четыре потратили.

Я вышла от нее с ощущением, что меня отпели. Аккуратно, по всем правилам, сорок секунд тишины.

В бюро Илья встретил меня в дверях.

- Звонили из банка, - сказал он. - Спрашивали, когда будут документы. Я сказал, что вы на выезде.

- Я и была на выезде.

- Я так и подумал. - Он помялся. - И еще. Приходил человек от Ланского. Оставил визитку и сказал, что Матвей Андреевич готов приехать сам, если вы позволите.

- Позволю ли я?

- Так и сказал. «Если позволит». - Илья протянул мне визитку. - Вежливый. У него был зонт для меня. Я сказал, что у меня есть свой, а он все равно оставил.

У Ильи в руках действительно был черный зонт с серебряной ручкой. Явно не из его гардероба.

- Ты продался за зонт, - сказала я.

- Я не продавался, - сказал Илья и покраснел до ушей. - Просто у нас протекает крыша над архивом. Я посчитал, что зонт пригодится.

Бабушка сидела в конторе с калькулятором и коньяком. Я рассказала ей все: про Ирину Вадимовну, про три варианта и про двадцать шесть дней. Зоя Павловна слушала молча и смотрела на меня поверх очков.

- И что он хочет за развод? - спросила она.

- Чтобы я три месяца жила с ним.

- Как жена?

- Как соседка с печатью в паспорте.

Бабушка допила коньяк. Поставила чашку на блюдце точно в центр, как ставит урны на постамент.

- Ника. Сколько лет ты работаешь?

- Семь.

- Сколько живых людей за эти семь ты лет пустила в свою жизнь?

Я не ответила.

- Вот и я о том же. - Она сняла очки и потерла переносицу. - Бери мужа. Живого. Ты всю жизнь работаешь с другими, хоть раз поработай с собственным. Три месяца это не срок. Мы с твоим дедом три месяца жили в коммуналке до свадьбы, за занавеской, а соседка за стенкой играла на баяне. И ничего, сорок лет потом.

- Вы с дедом друг друга любили.

- Не сразу. - Она надела очки обратно. - Позвони ему. И скажи, пусть приедет. Это наша территория.

Он приехал в восемь, когда бюро закрылось. Я встретила его в зале прощаний: там единственный большой стол и хорошая акустика. Если орешь, тебя слышно до Невы, поэтому в этом зале никто не орет. Мне это и было нужно.

Он вошел и остановился у двери. Посмотрел на ряды стульев, на постамент, на белые лилии в вазах, которые я не успела убрать. Потом на меня.

- Своеобразный выбор места для переговоров, - сказал он.

- Здесь люди обычно говорят правду. Хотя бы в последний раз.

- Это угроза?

- Это атмосфера.

Он сел напротив и выложил на стол лист бумаги. Аккуратный, отпечатанный, с номерами пунктов.

- Пять правил, - сказал он. - Первое: вы живете у меня. Три месяца, с завтрашнего дня. Второе: ужины по средам и воскресеньям, вместе, дома. Третье: мероприятия, на которых нужна жена, вы посещаете как жена. Их будет немного, я не люблю мероприятия.

- А четвертое?

- Я к вам не прикасаюсь, пока вы сами не попросите.

Он сказал это тем же голосом, что и про ужины. Без нажима, без улыбки. Я поймала себя на том, что смотрю на его руки на столе, и отвела взгляд.

- А если я никогда не попрошу?

- Значит, не прикасаюсь никогда. Пятое: мы не врем друг другу о прошлом. Можем молчать. Врать нельзя.

- Какая честная сделка с человеком, который скрывал брак.

- Я не врал. Я молчал. Пятый пункт это разрешает.

Я взяла его лист. Перечитала. Потом достала из кармана ручку и дописала внизу, своим почерком, без точки после фамилии.

«6. Нотариальное согласие на залог здания бюро "Тихая гавань" супруг подписывает в первый же день».

Подвинула лист к нему.

Он прочитал. Задержался на последней строчке чуть дольше, чем нужно.

- Шестой пункт дорогого стоит, - сказал он.

- У меня все дорого. Похороны тоже.

- Если я подпишу, а вы уйдете через неделю?

- Тогда вы потеряете жену перед советом. А я получу кредит. - Я пожала плечами. - Но я не уйду. Я всегда довожу клиентов до конца.

- Я не клиент.

- Пока.

- Один вопрос, - сказала я. - По пятому пункту. Зачем вам я? Наймите актрису. В Петербурге их больше, чем покойников, и они дешевле.

- Актрису проверят за неделю. У нее будет прошлое, страница в соцсетях, бывший, который за деньги расскажет журналистам все. - Он помолчал. - А у вас есть запись в ЗАГСе пятилетней давности. Такое не подделаешь.

- Ее уже подделали.

- Вот именно, - сказал он. - И мне очень интересно, кто.

Это было первое, что он сказал не ровным голосом. Под ровностью что-то шевельнулось, как вода подо льдом в марте. Я вдруг поняла, что не одна хочу найти Эдуарда.

Он посмотрел на меня долго, и на этот раз я не отвела глаз. Потом взял мою ручку. Наши пальцы соприкоснулись на долю секунды, и я убрала руку слишком быстро. Он это заметил. Ничего не сказал.

Он подписал внизу. Без точки.

- Переезжайте сегодня, - сказал он, поднимаясь.

- Вы написали: с завтрашнего дня.

- Планы изменились. - Он застегнул пальто. - Глеб приезжает на ужин завтра. Мне нужно, чтобы к его приходу в доме были ваши вещи. Хотя бы зубная щетка.

Глава 6. Линейка

Я привезла одну сумку и кактус.

Сумка была спортивная, с логотипом фирмы, которая когда-то продавала нам катафалк в рассрочку. Кактус стоял у меня в бюро на подоконнике четыре года. Его подарила дочь покойного таксиста со словами «папа говорил, что кактусы переживут всех». Пока папа оказался прав.

Квартира Ланского занимала последний этаж доходного дома на Кронверкском. Лифт был старый, с латунной решеткой и табличкой «1911». Он поднимался так медленно, что я успела прочитать табличку четыре раза и решить, что если он оборвется, это будет самая ироничная смерть в истории моей профессии.

Матвей ждал на площадке.

- Это все? - спросил он, глядя на сумку.

- И кактус.

- Я вижу кактус.

- Его зовут Валерий Петрович.

Пауза.

- Почему?

- Так звали таксиста. Долгая история. Мы его хоронили.

Он посторонился, пропуская меня. Валерий Петрович проехал мимо него первым, на вытянутых руках, как икона на крестном ходу.

Квартира была огромной и пустой. Пять комнат, высокие потолки с лепниной, паркет елочкой, местами снятый до бетона. В трех комнатах стояли леса. В двух жили. В гостиной были диван, стол, стеллаж с книгами о мостах и окно во всю стену с видом на Петропавловку. Шпиль в сумерках горел, как свеча на поминках.

- Ваша комната вторая направо, - сказал он. - Ванная напротив. Кухня там.

Кухня оказалась белой, гладкой и стерильной, как прозекторская. Я открыла шкафчик. Там стояли одна тарелка, один стакан и пачка гречки.

- Глеб был прав, - сказала я. - Посуды нет.

- Есть тарелка.

- Одна.

- Мне хватало.

Я поставила Валерия Петровича на подоконник, рядом с пачкой гречки. Он смотрелся там так, будто всю жизнь мечтал жить на Петроградке.

- Предлагаю разделить квартиру, - сказала я. - Кухня общая, по графику. Ванная по графику. Гостиная нейтральная территория. Ваш кабинет ваш, моя комната моя. Можно провести линию по полу. Мелом. По линейке.

- У меня нет линейки, - сказал он. - Но если найдете, можно и так.

- А если я храплю?

- Стены здесь метр толщиной. Дом строили для купцов. Купцы храпели громче.

- Вы проверяли?

- Я читал архив застройщика. Там жалобы соседей с тысяча девятьсот двенадцатого года.

Я посмотрела на него. Он стоял в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку, в сером свитере с закатанными рукавами. На предплечье была старая ссадина, как от стройки. Лицо серьезное. Только в глазах что-то было, похожее на то, как Илья отворачивается к стене на прощаниях, чтобы никто не видел, что ему смешно.

Он шутит, дошло до меня. Этот человек умеет шутить. Просто делает это с лицом человека, который зачитывает приговор.

- Ужин? - спросил он.

- У вас гречка.

- Я могу заказать.

- Не надо. - Я сняла пальто. - Где ближайший магазин?

Через сорок минут на плите варилась картошка, на сковородке шипели котлеты из кулинарии, а в единственной тарелке лежал салат. Матвей сидел за столом и смотрел, как я режу огурцы его единственным ножом.

- Вы всегда так готовите? - спросил он.

- Как?

- Будто для поминок.

- На поминках я не готовлю. Я считаю, сколько заказывать водки. Это сложнее.

- Сколько?

- Пол-литра на троих мужчин. На женщин делим на пять. Если покойник был хорошим человеком, плюс десять процентов. Если плохим, плюс двадцать: людям надо как-то это пережить.

Он засмеялся. Коротко, почти беззвучно, одним выдохом. Посмотрел на меня так, будто сам удивился этому звуку.

- Вы тогда уехали на первом такси, - сказал он вдруг. - В пять утра. Я видел из окна усадьбы.

Я положила вилку.

- И не остановили.

- Вы назвали таксисту адрес. Василеостровский морг. - Он чуть наклонил голову. - Я решил, что это шутка. Потом решил, что нет.

- Это был адрес бюро. Оно рядом с моргом.

- Теперь знаю.

- А тогда?

- А тогда подумал, что вы поехали хоронить свое «да».

Я не нашлась, что ответить. Он и не ждал ответа: встал и налил мне воды. Стакан у него по-прежнему был один, и он отдал его мне.

Ели мы из одной тарелки по очереди: сначала он, потом я. Он настоял, что гости первыми. Я сказала, что я не гость, я жена. Он сказал, что тогда тем более. Так что ела я первой, а он ждал и пил воду из единственного стакана.

После ужина он ушел в кабинет. Я помыла тарелку и стакан и поставила их сушиться рядом. Вдвоем на полке они выглядели как семейная пара на фотографии в рамке: так себе, но вместе.

Спать я не могла. Новая кровать, чужие потолки, где-то далеко внизу гудела Кронверкская. В два часа ночи я пошла на кухню за водой.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Свет выключен. Внутри пахло его запахом: древесина, цемент, что-то горькое. Я сделала шаг внутрь. Только посмотреть. Мне было интересно, какие книги читает человек, у которого одна тарелка.

На столе лежала серая папка. На корешке маркером было написано: «Савельева В.И.».

Я открыла ее.

Фотографии. Я выхожу из бюро. Я в магазине на Среднем. Я на кладбище в Смоленском, под дождем, с зонтом. Я в машине, с кофе. Даты на обороте, аккуратным почерком. Распечатка расписания прощаний на месяц. Выписки по счетам бюро. Справка о долге за холодильную камеру. Моя старая фотография из выпускного альбома.

Даты начинались в октябре прошлого года.

Год.

Я стояла с папкой в руках и слушала, как стучит в ушах кровь. Не от страха. Страх я узнаю, это холод в пальцах. Это было горячее. Это было чувство, когда видишь, как незнакомые люди роются в вещах покойного, еще до того, как его похоронили.

Свет на кухне зажегся.

Матвей стоял у холодильника в футболке и спортивных штанах, босиком. Волосы влажные, будто он только что из душа. Он увидел папку у меня в руках, и лицо у него не изменилось. Только плечи стали чуть выше.

Я вышла из кабинета и положила папку на стол между нами. На то самое место, где три часа назад стояла наша единственная тарелка.

Он сделал шаг ко мне, и я отступила. Он остановился сразу, ровно там, где кончалась кухонная плитка и начинался паркет. Будто линию по линейке все-таки провели, и он ее видел.

- Вы год следили за мной? - спросила я.

Он посмотрел на папку. Потом на меня.

- Я год решал, нужна ли вам правда.

Глава 7. Ужин

- Решали, - повторила я. - С фотоаппаратом. Под моими окнами.

- Не я.

- А кто? Святой дух с телеобъективом?

Мы стояли на кухне в два часа ночи. Он босиком, я в пижаме с совами, которую мне подарил Илья на Новый год со словами «чтобы хоть что-то в вашей жизни смотрело на вас ласково». Между нами на столе лежала папка.

- Когда пришла справка, - сказал он, - мои юристы заказали проверку. Стандартную. Кто вы, есть ли долги, нет ли судимостей, не работаете ли на конкурентов. Так делают, когда у генерального директора внезапно обнаруживается жена.

- Справка пришла в октябре прошлого года. А последней фотографии три недели.

- Проверку не остановили.

- Почему?

Он помолчал. Потом сказал то, чего я не ждала:

- Потому что я не сказал ее остановить. Мне нравилось получать отчеты. Раз в месяц. Я открывал конверт и смотрел, как вы живете.

- Это называется слежка.

- Знаю. - Он не отвел глаз. - Это было неправильно. Я должен был прийти к вам год назад с этой справкой и сказать все. Не пришел. Проще было смотреть фотографии.

Я ждала оправданий. Про совет, про Глеба, про то, что мне было бы хуже. Он их не говорил. Он стоял и смотрел, как я злюсь, и не пытался меня остановить.

- Кто снимал?

- Частное агентство. Договор я расторгну утром.

- Мне нужны все фотографии. Все копии. Негативы, файлы, что там у них.

- Будут к вечеру.

- И вы больше ничего обо мне не узнаете за моей спиной.

- Пятый пункт, - сказал он. - Не врать о прошлом. Я добавлю шестой с половиной: не узнавать за спиной. Подпишу.

- Вы все подписываете.

- Я верю бумаге больше, чем словам. Слова у меня плохо получаются.

Я забрала папку и ушла к себе. Закрыла дверь. Положила папку под подушку, как ребенок кладет туда письмо Деду Морозу, и лежала до утра, глядя в лепной потолок. На потолке был виноград. Гипсовые гроздья, гипсовые листья. Кто-то сто лет назад вылепил их для купеческой спальни, чтобы купцу снились урожаи. Мне снился Глеб.

Утром на кухонном столе лежал конверт с флешкой и распиской агентства. Рядом стояла вторая тарелка. Белая, новая, из того же набора, что и первая. И второй стакан.

Валерий Петрович на подоконнике выглядел так, будто это он все устроил.

Глеб приехал в восемь вечера, с женой и бутылкой вина, которую держал, как держат оружие на переговорах: стволом вниз, но так, чтобы видели.

Он оказался ниже Матвея на голову и шире в улыбке. Светлый, гладкий, в кашемировом пальто цвета овсянки. Жена его, Милана, была высокая, тонкая, вся в бежевом, с лицом, на котором ничего не происходило. Такие лица я видела у вдов, которые давно ждали.

- Вероника! - Глеб поцеловал мне руку. Губы сухие, холодные. - Наконец-то! Матвей вас прятал, как фамильное серебро.

- Я и есть фамильное серебро. Меня чистят раз в год и убирают обратно.

Глеб засмеялся. Милана нет.

Ужинали в гостиной. Я накрыла стол на четыре персоны: тарелок теперь хватало, остальные две Матвей докупил днем вместе с бокалами, скатертью и, зачем-то, сахарницей в форме лебедя. Сахарница стояла в центре стола и смотрела на Глеба с презрением, которого я от нее не ожидала.

Глеб начал с вежливого. Как мы познакомились (на свадьбе подруги), почему скрывали (не любим публичности), где я работаю.

- В ритуальном бюро, - сказала я.

- Как интересно! - Он наклонился вперед. - И как это, хоронить людей?

- Спокойно. Клиенты не жалуются.

Матвей рядом со мной кашлянул в салфетку.

Потом Глеб перешел к главному. Я узнала этот переход: так в бюро родственники от «какой был хороший человек» переходят к «а кому квартира».

- Вероника, скажите честно, по-семейному. - Он понизил голос. - Когда вы поняли, что он вам изменяет?

Милана перестала резать мясо. Матвей не шевельнулся.

Вопрос был построен так, что любой ответ подтверждал измену. «Никогда» значило «не заметила». «Давно» значило «знала и терпела». Я видела такие вопросы на оглашении завещаний.

- Глеб, - сказала я мягко. - У меня в бюро есть правило: мы не обсуждаем покойных при родственниках. А ваш вопрос, простите, покойник с рождения.

Глеб покраснел. Не от смущения, от злости: у него покраснели уши, а щеки остались бледными. Милана опустила глаза в тарелку, и уголок ее рта дрогнул.

Под столом на мое колено легла рука Матвея.

Тяжелая, теплая, сквозь тонкую ткань платья. Он не сжал, не погладил. Просто положил, как кладут ладонь на перила моста, проверяя, держит ли.

Я замерла. Это было для Глеба, конечно. Глеб сидел напротив и мог видеть, как Матвей сдвинулся ко мне. Это был спектакль, пункт третий, мероприятия, на которых нужна жена.

Потом Глеб отвернулся налить вина. Милана смотрела в окно. Никто не смотрел на нас.

А рука осталась.

Тепло от нее шло вверх, медленно, как ртуть в градуснике. Я смотрела на сахарницу-лебедя и не дышала. Пункт четвертый: «не прикасаюсь, пока сама не попросишь». Я не просила. Но и не убрала.

Он убрал сам. Через минуту, когда Глеб снова повернулся. Как будто заметил, что граница была на минуту дальше, чем нужно, и вернулся за нее раньше, чем я успела сказать.

Мне стало холодно в том месте, где только что была его ладонь. Это было глупо. Я злилась на себя весь десерт.

Глеб с Миланой уехали в одиннадцать. В прихожей, уже в пальто, Глеб задержался. Милана вышла к лифту. Глеб посмотрел на меня, потом на брата, и улыбнулся своей отличной стоматологической улыбкой.

- Чудесный вечер, - сказал он. - Только странно. По моим данным, вы с мужем ни разу не виделись. Пять лет. Ни одной совместной поездки, ни одного звонка. Он не платил за вас ни разу. Удивительный брак.

- Мы экономные, - сказала я.

- Конечно. - Он поправил шарф. - Я подожду. Я терпеливый.

Дверь закрылась. Матвей стоял у меня за спиной, близко, но не касаясь.

- Простите за руку, - сказал он. - Это было для Глеба.

- Я догадалась.

- Первые тридцать секунд.

Я обернулась. Он смотрел на меня спокойно, как смотрят на чертеж, в котором нашли ошибку и не собираются ее скрывать.

- А остальные? - спросила я.

- Остальные нет. Пятый пункт. Врать нельзя.

Он ушел в кабинет. Я стояла в прихожей и чувствовала, что у меня дрожат колени. Не от страха. Страх у меня в пальцах, а здесь было колено. То самое.

Глава 8. Кольцо

Я не спал.

В три часа ночи в квартире деда слышно все. Как оседает дом, как вода идет по старым трубам, как на Кронверкском проезжает поливальная машина. Как в комнате напротив скрипит паркет под чужими ногами.

Она тоже не спала. Ходила от окна к двери и обратно. Четыре шага туда, четыре обратно. Один раз остановилась у двери надолго, и я слушал эту тишину так, как слушают шорох в несущей стене.

Потом шаги ушли к кровати.

Я лег на спину и стал смотреть в потолок. Над моей кроватью лепнины нет: здесь был кабинет деда, и дед считал виноград излишеством. Белый потолок, трещина от угла. Трещину я знаю наизусть. Она длиной сорок сантиметров и за три года не выросла ни на миллиметр. Это меня успокаивает.

Сегодня не успокаивала.

Пять лет назад, четырнадцатого июня, я поехал на свадьбу человека, которого почти не знал.

Сергей был у меня прорабом на верфи. Хороший прораб: не пил, не воровал, приходил первым. Когда верфь закрыли, я задолжал ему за два месяца. Отдал через год, с процентами, которых он не просил. Он позвал меня на свадьбу из вежливости. Я поехал из вежливости тоже.

А утром того дня мне позвонил отцовский юрист.

Голос был вежливый, извиняющийся.

- Матвей Андреевич, Андрей Ильич внес изменения в завещание. Я обязан вас уведомить.

- Уведомляйте.

- Квартира на Каменном острове, дача в Комарово, доля в компании переходят Глебу Андреевичу.

- А мне?

- Библиотека вашего деда. И квартира на Кронверкском. - Он кашлянул. - В текущем состоянии.

- Без окон и с дырой в крыше.

- В текущем состоянии, - повторил юрист. - Андрей Ильич просил передать, что это не наказание. Это бухгалтерия.

- Передайте ему, что я понял.

- Что именно передать?

- Что баланс сошелся.

Я положил трубку, надел пиджак и поехал на свадьбу. Галстук не надел. Руки не слушались.

На свадьбе было сто двадцать человек, и все улыбались. Улыбались жених, невеста, их родители, официанты, фотограф и даже собака невесты в бантике. Я стоял у стены шатра с бокалом, который не пил, и решил: если еще хоть один человек улыбнется мне, я уйду пешком до города.

А потом ко мне подошла она.

Черное платье. Не вечернее, рабочее, строгое. Под глазами тени: она явно не спала. В руке не бокал, а стакан воды. Она посмотрела на меня внимательно, как врач смотрит на рентген, и сказала:

- Вы похожи на человека, которому скоро на похороны.

Она единственная не улыбалась.

Я засмеялся. Первый раз за день. Может, за год.

- А вы на того, кто будет хоронить, - сказал я.

- Угадали.

- Вы здесь кого-нибудь знаете? - спросила она.

- Жениха. Немного.

- А я невесту. Слишком хорошо. - Она отпила воды. - Через пять лет она позвонит мне и спросит, сколько стоит развод.

- А вы скажете?

- Я в курсе цен на все, что заканчивается. Это профессиональное.

Потом эта фотозона. Мужчина с бабочкой и красной папкой.

Все хохочут. Ее подталкивает какая-то девица в розовом: «Тысяча, что не скажешь!» Она смотрит на меня, будто спрашивает: «Вы как, не против?» А я протягиваю ей руку.

Регистратор спрашивает «согласны?». Она говорит «да» с вызовом, глядя на девицу в розовом.

- Жених, вы серьезно? - спрашивает регистратор и смотрит мне прямо в глаза. Странный вопрос для шутки. Слишком внимательный взгляд.

- Серьезно, - говорю я.

Я говорю «да» и не шучу.

Не потому, что влюбился с первого взгляда. Я в это не верю. А потому, что в тот день у меня забрали семью, и мне нужно было сделать что-нибудь необратимое. Что-нибудь, что останется мне, когда отберут все остальное.

Это было глупо. Я был трезв, и глупость видел ясно. Это и было самое важное: я выбрал глупость трезвым.

Регистратор попросил паспорта «для бланка». Я отдал. Она тоже. Он что-то писал в своей папке долго, слишком долго для шутки. Я тогда не обратил внимания. Смотрел на нее.

Она ушла в пять утра. Я видел из окна усадьбы, как она садится в такси, снимает туфли прямо на заднем сиденье и откидывает голову. Таксист спросил адрес, и она сказала: «Васильевский морг». Таксист перекрестился. Я засмеялся второй раз.

А на следующий день, трезвый и злой, я поехал в ювелирный на Невском и купил кольцо.

Я не собирался его дарить. У меня не было ее фамилии, адреса, телефона, и я не собирался их добывать. Просто купил. Как покупают билет на поезд, который уже ушел: чтобы был.

Оно лежит у меня пять лет.

Я встал и подошел к столу. Ящик открылся с тем же скрипом, что и всегда. Под стопкой старых чертежей верфи лежала коробочка. Темно-синий бархат, немного выцветший на углах.

Я открыл ее.

Тонкое кольцо из белого золота. Без камня. Внутри гравировка, которую я сделал в тот же день, не зная, зачем: «Честному человеку».

Мне в голову пришел Сергей. Прораб. Его жена Кира, ее подруга. И его троюродный брат Эдуард, регистратор с красной папкой. Сергей рассказывал на верфи, что брат работает в ЗАГСе и вечно жалуется на зарплату. «Эдик за пять тысяч поженит кого угодно», - смеялся он тогда в бытовке.

За пять тысяч. Тогда это была шутка.

Подпись на заявлении с точкой после фамилии. Моя подпись, только чужой рукой. Заявление за тридцать два дня до свадьбы. Кто-то за месяц был уверен, что я там буду. Кому-то Сергей сказал, что позовет меня. Кто-то, кому нужно было, чтобы у меня однажды обнаружилась жена.

Или чтобы у нее однажды обнаружился муж.

Телефон на тумбочке загорелся. Лев. Четыре утра: у него ночная смена.

- Не спишь, - сказал он. Это был не вопрос.

- Не сплю.

- Я тоже. У меня в реанимации ожоговый. Бизнесмен, полез на горящий склад и вытащил четверых. Лицо как карта Северного полушария после войны. А хирург у нас, между прочим, его бывшая невеста. Он ее бросил у ЗАГСа. Ты считаешь, у тебя сложная семейная жизнь?

- Считаю.

- Вот и зря. - Лев зевнул. - Как жена? Ужин пережили?

- Глеб ушел с подозрениями.

- А жена?

Я помолчал.

- Ходит. От окна к двери и назад.

- Это хорошо, - сказал Лев. - Люди, которые ходят ночью, еще что-то решают. Люди, которые спят, уже решили. Иди к ней.

- Пункт четвертый.

- Какой еще пункт?

- Не прикасаться, пока не попросит.

В трубке было долгое молчание. Потом Лев сказал очень серьезно:

- Матвей. Ты единственный человек на свете, который заключил брачный договор после брака. Спокойной ночи. У меня тут давление падает. Не у меня, у пациента.

Он отключился.

Паркет в комнате напротив снова скрипнул. Четыре шага к двери. Пауза. Четыре шага обратно.

Я закрыл коробочку и положил ее обратно. Под чертежи. Туда, где ей место, пока я не пойму, имею ли право ее достать.

Глава 9. Носильщик

Капитана дальнего плавания Семена Аркадьевича Горбунова хоронили во вторник, в дождь, под марш «Прощание славянки», который он сам заказал за три года до смерти. В заявке, написанной его почерком, стояло: «Громко. Без попов. Водки не жалеть».

Водки мы не жалели. Попов не было. С громкостью вышла заминка: старая колонка в зале хрипела на низах, и марш звучал так, будто его исполняет оркестр, который сам тонет.

- Ника Игоревна, - Илья выглянул из подсобки бледный. - Носильщиков трое.

- Должно быть четверо.

- Витя не пришел. Написал, что у него ветрянка.

- Вите сорок два года.

- Он написал, что это очень обидно.

Я посмотрела в зал. Гроб стоял на постаменте, тяжелый, дубовый: капитан при жизни весил сто десять килограммов и завещал «гроб как корабль». У изголовья стояли три матроса с его последнего рейса. Старые, широкие, в черных бушлатах. Один без двух пальцев на левой руке. Второй плакал, не стесняясь, и вытирал лицо рукавом.

- Илья, ты понесешь.

- Я? - Илья посмотрел на свои руки скрипача. - Ника Игоревна, я уроню. Я в оркестре пюпитр ронял.

- Значит, понесу я.

- Вы не можете. Вы в юбке.

- Покойнику все равно, в чем я.

- Покойнику да. Матросам нет.

Он был прав. Матросы уже косились на меня так, будто я предложила вынести их капитана в тележке из супермаркета.

Дверь в зал открылась, и вошел Матвей.

Он был в темном пальто, с папкой под мышкой. Я забыла, что он обещал приехать: нотариус заверил согласие на залог, и он хотел отдать его лично. Пункт шестой.

Он остановился у входа. Посмотрел на гроб, на троих матросов, на меня, на Илью с его руками. Оценил все за две секунды. Это видно было по тому, как он снял пальто и положил папку на стул у двери.

- Куда нести? - спросил он тихо.

- Вы не обязаны.

- Знаю. Куда?

- До катафалка. Сорок метров. Потом по ступеням вниз.

Он кивнул и подошел к гробу. Матрос без пальцев смерил его взглядом с головы до ног.

- Ты кто?

- Муж, - сказал Матвей и кивнул на меня.

- Ее? - Матрос посмотрел на меня, потом опять на него. - Ну, раз муж. Встань справа в головах. Капитан справа любил, у него левое ухо не слышало.

- Понял.

- Нести ровно. Не торопись. На ступенях ногу ставь боком, там скользко.

Они подняли гроб вчетвером на счет «три». Я видела, как напряглись плечи Матвея под рубашкой, как вздулась вена на шее. Он не сбился с шага ни разу. На ступенях, где старый дерматин всегда скользит, он поставил ногу боком, проверяя опору, и только потом перенес вес. Так ходят люди, которые много лет провели на стройках, где под ногами бывает пустота.

У катафалка гроб встал на рельсы ровно, без стука. Матрос без пальцев хлопнул Матвея по плечу.

- Нормально несешь. Где служил?

- Не служил. Строил.

- Что строил?

- Корабли. Пытался.

Матрос хмыкнул, полез в карман бушлата, достал плоскую фляжку и протянул ему. Матвей сделал один глоток, не поморщившись, и вернул.

- Капитан бы одобрил, - сказал матрос. - Он сам все пытался. Три раза тонул, ни разу не утонул.

На Серафимовском дождь пошел сильнее. Матрос без пальцев сказал речь. Короткую, как телеграмма:

- Семен Аркадьевич. Ты был сволочь, но наша. Трижды тонул, ни разу не утонул. Теперь вот лег сам. Попутного ветра.

Второй матрос перестал плакать и кивнул: правильно сказал.

Мы стояли чуть в стороне. Матвей держал надо мной зонт, тот самый, черный, с серебряной ручкой, который оставил Илье. Илья вернул его сегодня утром, «чтобы не было долгов». Зонт был большой, но Матвей держал его так, что я была под ним целиком, а его левое плечо мокло.

- Вы промокли, - сказала я.

- Строители промокают профессионально.

- Почему вы остались? Вас просили донести до катафалка.

Он смотрел, как опускают гроб.

- Вы сказали: «Вы не обязаны».

- И что?

- Мне давно никто этого не говорил. - Он чуть сдвинул зонт, когда ветер переменился. - Обычно мне говорят, что я должен.

Я ничего не ответила. Я стояла под его зонтом, и от его плеча, мокрого, тяжелого, шло тепло, и я впервые за семь лет на кладбище забыла считать лопаты земли.

После кладбища были поминки в кафе «Шторм» на Гаванской. Матвей остался. Сидел рядом со мной, ел кутью, слушал истории про шторм у мыса Горн и про то, как капитан однажды выкинул за борт проверяющего из пароходства. Не перебивал. Не смотрел в телефон. Один раз засмеялся, и матросы засмеялись вместе с ним.

Он стоял на чужих похоронах так, как стоят люди, которые хорошо знают, как выглядит конец. Без страха и без любопытства. Просто знают.

Бабушка подсела к нам с чашкой «чая», который пах коньяком на весь угол.

- Значит, вот вы какой, - сказала она, разглядывая его.

- Какой?

- Высокий. - Она прищурилась. - Это вы дважды приходили покупать мой дом?

- Я.

- И в третий раз не пришли.

- Вы обещали меня забальзамировать.

- Бесплатно, - уточнила Зоя. - Это была щедрость.

Матвей посмотрел на нее серьезно.

- Я оценил.

Зоя Павловна засмеялась так, как не смеялась с маминых похорон. Громко, запрокинув голову, расплескав «чай» на скатерть.

- Ника, - сказала она, вытирая глаза, - он мне нравится. Он несет гроб правильно и не боится старух. Сенека писал: пока мы откладываем жизнь, она проходит. Вы двое, по-моему, ее откладываете.

- Бабушка.

- Что «бабушка»? Я старая, мне можно.

Когда я выходила из «Шторма», Илья догнал меня у машины. В руке у него был конверт с логотипом банка.

- Принесли в бюро, пока вас не было. Курьером.

Я открыла его прямо под дождем.

«Уважаемая Вероника Игоревна. В связи с тем, что согласие на залог предоставлено супругом, являющимся генеральным директором компании, ведущей приобретение недвижимости в том же квартале, сделка отнесена к сделкам с повышенным риском. Для принятия решения служба безопасности банка приглашает обоих супругов на собеседование в головной офис. Подписание договора залога возможно только в личном присутствии обоих супругов. Дата собеседования: через семь дней».

Я перечитала дважды.

Матвей вышел из кафе и остановился рядом. Взял у меня письмо, прочитал. Капли падали на бумагу и расплывались синими кругами.

- Они думают, что я женился на вас, чтобы забрать ваш дом, - сказал он.

- А вы нет?

Он посмотрел на меня. Дождь стекал по его лицу.

- Через семь дней узнаете, - сказал он. - Нам придется выучить друг друга наизусть.

Глава 10. Правда за правду

Служба безопасности банка, судя по сайту, состояла из бывших сотрудников органов. Я представила переговорную без окон, двух мужчин с одинаковыми лицами и вопросы по отдельности: сначала его, потом меня, и сверка ответов. Кто встает первым. Где лежат зубные щетки. Какого цвета у меня глаза. Матвей бы не ответил. Я бы не ответила про него. Мы прожили вместе девять дней и знали друг о друге примерно столько же, сколько я знаю о покойных по заявке: возраст, профессия, любимая музыка для прощания.

- Анкета, - сказал Матвей в первый вечер и положил на кухонный стол два листа. - Я составил. Сто вопросов. Вы отвечаете про себя, я про себя. Потом меняемся и учим.

Я взяла лист. «Любимое блюдо. Аллергии. Имя первой учительницы. Как зовут бабушку. Где отдыхали в последний раз».

- Скучно, - сказала я.

- Это то, что спрашивают.

- Это то, что спрашивают у шпионов в кино. Настоящие проверяющие спрашивают другое. С какой стороны кровати спит муж. Кто выносит мусор. Что вы подарили друг другу на последний день рождения.

- Я вам ничего не дарил.

- Вот именно. - Я отодвинула анкету. - Предлагаю игру. Правда за правду. Каждый вопрос стоит ответа. Хотите узнать что-то обо мне, отвечайте сначала сами на тот же вопрос.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом убрал анкету в ящик.

- Начинайте.

Первый вечер мы выяснили безопасное. Он ненавидит кинзу, я ненавижу оливки. Он спит на левой стороне, потому что справа окно, а от окна дует. Я сплю по диагонали. Он левша, но пишет правой: в школе переучили. Я в детстве хотела быть патологоанатомом, бабушка отговорила, сказав, что живые клиенты хотя бы платят.

Второй вечер мы ели пельмени и выясняли, кто выносит мусор. Он сказал, что мусор у него выносит домработница по вторникам. Я сказала, что теперь его выносит муж, потому что жена хоронит людей и с нее хватит. Он вынес мусор в тот же вечер. В пальто, в одиннадцать ночи, с лицом человека, идущего на подвиг.

Потом мы репетировали собеседование. Я играла проверяющего: надела его очки для чтения, взяла блокнот и села напротив с лицом налогового инспектора.

- Гражданин Ланской. Какой стороной жена кладет зубную щетку в стакан?

- Щетиной вниз. Говорит, так микробы стекают.

- Верно. Что жена ест на завтрак?

- Ничего. Пьет кофе стоя, у окна, и смотрит на Петропавловку, будто прикидывает, сколько туда войдет венков.

Я подняла глаза от блокнота. Он сидел спокойно, руки на столе.

- Какого цвета у жены глаза?

Он не посмотрел на меня. Ответил сразу, глядя в стол:

- Серые. У зрачка зеленое кольцо. Левый темнее правого. Когда злится, темнеют оба.

Я сняла его очки. Положила на стол. Блокнот тоже.

- Вы не смотрели, - сказала я.

- Мне не нужно смотреть.

В тот вечер репетиция закончилась раньше. Я сказала, что устала. Это была неправда, и пятый пункт я нарушила впервые.

На третий вечер он спросил:

- Почему вы не улыбались на той свадьбе?

Мы сидели на кухне. Он с чаем, я с бокалом красного, которое он купил, потому что во второй вечер я сказала, что пельмени без вина это поминки без водки. Валерий Петрович на подоконнике делал вид, что не слушает.

- Правда за правду, - сказала я. - Сначала вы. Почему вы были на той свадьбе без улыбки?

- В то утро отец переписал завещание. Все Глебу. Мне квартира без окон и книги деда. Юрист сказал, что это не наказание, а бухгалтерия.

Он сказал это просто, глядя в чашку. Без жалобы.

- Вы общаетесь?

- Он болен. Рак. Третья стадия. Год назад вернул мне компанию. Публично. Так же, как отнял.

- Вы простили?

- Я принял. Это другое. - Он поднял глаза. - Ваша очередь.

Я покрутила бокал. Вино в нем ходило по кругу, темное, как кровь в капельнице.

- В тот день было ровно два года, как умерла мама, - сказала я. - Утром я была на Смоленском. Потом поехала на свадьбу, потому что обещала Кире. Мама умерла в больнице, от сепсиса после операции. Ничего сложного, обычный аппендицит. Хирург ушел домой, не дождавшись анализов. Мне было девятнадцать. Хоронила ее бабушка, а я стояла рядом и смотрела, как она все делает: где поставить венки, кого посадить в первый ряд, сколько секунд молчать. Тогда до меня дошло, что горе можно организовать. Что если правильно расставить стулья, люди не развалятся.

- Поэтому вы пришли в бюро.

- Поэтому я не умею улыбаться на свадьбах. Я вижу, чем все кончается.

Он молчал долго. Потом встал, взял мой пустой бокал, налил в него воды и поставил передо мной. Как тогда, на первом ужине.

- Не все, - сказал он.

- Что?

- Не все кончается.

Я подняла голову. Он стоял рядом, близко, и смотрел на меня сверху. На кухне было тепло, пахло укропом и его запахом, тем, древесным, с горечью цемента. На шее у него, чуть ниже уха, билась жилка. Я видела ее так ясно, будто смотрела в лупу.

Я встала. Не помню зачем. Наверное, поставить бокал в раковину. Между нами оказалось сантиметров двадцать. Потом десять.

Он не двигался. Я двигалась.

Его дыхание касалось моего лба. Я видела каждую ресницу, светлую на концах, и тонкий белый шрам на подбородке, которого раньше не замечала. Он медленно наклонил голову. Я подняла лицо.

И сказала:

- Пункт четыре.

Он остановился так, будто наткнулся на стекло. Мгновенно. Ни секунды сопротивления. Отступил на шаг, потом еще на один, к столу.

- Конечно, - сказал он. Голос был хриплый, ниже обычного. - Простите.

- Вы не виноваты. Это я...

- Пункт четыре, - повторил он мягко. - Я помню. Спокойной ночи, Вероника.

Он ушел. Я осталась стоять у раковины, с бокалом воды в руке, и руки у меня дрожали так, что вода плескалась через край.

Я сама остановила. Я сама не попросила. Почему же мне было так обидно, что он послушался?

В два часа ночи зазвонил телефон. Кира.

- Ника. - Голос у нее был не такой, как обычно. Не громкий. Испуганный. - Ты не спишь?

- Не сплю.

- Сережа ездил к Эдику. Мы нашли адрес, он жил в Кудрово, снимал однушку. Дверь открыта. Его нет. Телефон на столе, кошелек на столе. Соседка говорит, три дня не видела.

- Кира...

- Подожди. - Она всхлипнула. - На столе лежала папка. Красная, та самая, со свадьбы. Ника, там твоя фамилия.

Глава 11. Папка

Матвей вел машину так, как несет гроб: ровно, не торопясь, без лишних движений. В половине третьего ночи Мурманское шоссе было пустым и мокрым, фонари отражались в асфальте длинными желтыми лентами. Я сидела рядом в пальто поверх пижамы с совами и сжимала телефон.

Я постучала к нему через пять минут после звонка Киры. Он открыл сразу, одетый, будто не ложился. Выслушал. Взял ключи.

- Вы не обязаны, - сказала я тогда.

- Знаю, - ответил он. - Поехали.

На съезде с кольцевой я сказала, глядя в окно:

- Про кухню.

- Не надо.

- Я хотела объяснить.

- Вероника. - Он перестроился в правый ряд, не глядя на меня. - Пункт четвертый работает в обе стороны. Вы не обязаны ничего объяснять.

- А если я хочу?

- Тогда объясните, когда не будете ехать в три часа ночи к пропавшему регистратору в пижаме с совами.

- Это не совы. Это филины.

- Простите. - Угол его рта дрогнул. - Филины меняют дело.

Я засмеялась. Нервно, коротко, в кулак. Он не засмеялся, но плечи у него опустились, будто он весь вечер держал что-то тяжелое и наконец поставил на землю.

Кудрово встретило нас одинаковыми высотками, похожими на надгробия великанов. Кира и Сергей ждали у подъезда. Кира в пуховике поверх ночной рубашки, Сергей в рабочей куртке. Увидев Матвея, Сергей вытянулся, как на планерке.

- Матвей Андреевич.

- Сергей. - Матвей пожал ему руку. - Давно не виделись.

- Пять лет, - сказал Сергей. И отвел глаза.

Кира шагнула к Матвею и вдруг взяла его за рукав.

- Это я вас поженила, - сказала она. - Я позвала Эдика. Простите меня.

- Не вы, - сказал Матвей. - Но за шатер спасибо. Хороший был шатер.

У соседнего подъезда стоял черный внедорожник с работающим двигателем и выключенными фарами. Матвей посмотрел на него дольше, чем нужно, и ничего не сказал.

Квартира Эдуарда была на девятом этаже. Однушка с икеевской мебелью, пустыми бутылками на балконе и запахом застоявшегося табака. На вешалке висела куртка. На полу у двери стояли ботинки. Люди, которые уезжают, берут ботинки.

- Полицию вызвали? - спросил Матвей.

- Вызвали, - сказала Кира. - Сказали, взрослый мужчина, три дня, может, у женщины. Приедут утром.

Красная папка лежала на кухонном столе, рядом с телефоном и кошельком. Та самая. Потертая кожа, золотое тиснение «Регистрация», от которого осталось только «истрация». Я узнала ее сразу, и в животе у меня стало холодно и пусто, как в холодильной камере после выдачи тел.

Матвей открыл ее. Я встала рядом.

Сверху лежала копия нашего заявления. Мои паспортные данные, его паспортные данные. Две подписи с точками.

Под ней шуточное свидетельство, такое же, как то, что я выбросила. «Брак заключен на небесах, оформлен в шатре». Наши имена от руки. Внизу смешной штамп с купидоном.

А под ним был документ, которого я никогда не видела.

«Брачный договор».

Шесть страниц на гербовой бумаге. Дата: четырнадцатое июня, пять лет назад. Савельева Вероника Игоревна и Ланской Матвей Андреевич. Печать нотариуса Всеволожского нотариального округа. Подписи сторон.

Матвей перевернул страницу. Потом еще одну. На четвертой странице он остановился. Я прочитала через его плечо.

«Пункт 4.3. В случае расторжения брака недвижимое имущество, принадлежащее Супруге на праве собственности либо находящееся в ее управлении, включая здание по адресу: Санкт-Петербург, Васильевский остров, ... (ритуальное бюро "Тихая гавань"), переходит в собственность Супруга».

Наше здание. Подвал прадеда. Сорок лет.

Подпись внизу была похожа на мою. Петли, хвост у «С». И точка после фамилии.

- Вы это видели? - спросила я. Голос получился чужой, тонкий.

Матвей не ответил сразу. Я посмотрела на него и увидела то, чего не видела ни разу за все эти дни: он побледнел. Не слегка. Вся кровь ушла из лица разом, как уходит у людей у гроба, когда они наконец понимают, что это правда.

- Нет, - сказал он. - Я вижу это первый раз.

- Пятый пункт.

- Пятый пункт, - повторил он. - Я вижу это первый раз, Вероника.

Я ему поверила. И взяла его за руку. Сама. Пальцы у него были ледяные. Пункт четвертый этого не запрещал: я не просила, я просто взяла. Он сжал мою ладонь так, как держал гроб капитана на ступенях: ровно, не отпуская.

Не знаю, почему я поверила. Может быть, потому, что так бледнеть специально не умеет никто, я видела тысячи людей у гробов, и ни один не смог это сыграть.

- Нотариус, - сказал Матвей и ткнул пальцем в печать. - Ковалева Т.С. Я проверю реестр. Если договор есть в реестре нотариальных действий, это одна история. Если нет, другая.

- Какая хуже?

- Обе.

- Почему?

- Если договор в реестре, значит, кто-то купил нотариуса, и купил дорого. Если его там нет, значит, бумагу сделали для одного. Чтобы показать. Банку, совету. Вам.

Валерий Петрович остался дома на подоконнике, и мне вдруг очень захотелось, чтобы он был здесь: хоть кто-то, кто переживет всех.

Кира тихо плакала у окна. Сергей стоял у двери, большой, сутулый, и смотрел в пол так упорно, будто искал там что-то потерянное.

Я закрыла папку. Руки у меня не дрожали. Они у меня никогда не дрожат на работе.

- Если это всплывет, - сказала я медленно, - вы застройщик, который скупает мой квартал. Который пять лет назад женился на девочке из похоронного бюро на чужой свадьбе. И который через брачный договор заберет ее дом при разводе. Через три месяца. Как и договаривались.

- Банк, - сказал Матвей.

- Банк. Совет. «Фонтанка». Глеб.

Он посмотрел на меня. В глазах у него было что-то, чего я раньше не видела. Не страх. Ярость, очень тихая.

- Кому-то нужно, чтобы я выглядел именно так, - сказал он. - И кому-то нужен ваш дом. Возможно, это один человек.

- Сергей, - сказала я, не оборачиваясь. - Кто знал, что Матвей Андреевич придет на вашу свадьбу?

Тишина.

- Сергей.

- Я не придал значения, - глухо сказал он. - Мне звонили за месяц. Спрашивали, будет ли Ланской. Я сказал, что пригласил. Человек сказал, что он старый друг семьи и хочет сделать сюрприз.

- Какой человек?

Сергей поднял голову, но ответить не успел.

Входная дверь, которую мы оставили приоткрытой, распахнулась. В проеме стоял Глеб. Кашемировое пальто цвета овсянки, мокрые от дождя светлые волосы, телефон в руке. За его спиной на лестнице маячили двое крупных мужчин в черном.

Он улыбнулся своей отличной улыбкой. Посмотрел на папку у меня в руках, потом на брата, потом на меня.

- Добрый вечер, родственники, - сказал Глеб. - Кажется, нам надо обсудить, кому принадлежит ваше кладбище.

Глава 12. Докажи

Глеб вошел в кухню Эдуарда так, будто это была переговорная на пятом этаже моего офиса. Огляделся. Отодвинул ногой пустую бутылку. Двое в черном остались на площадке, у двери, и один из них сразу закурил, хотя на стене висела табличка «Не курить, штраф».

- Как ты нас нашел? - спросил я.

- Ты ездишь на служебной машине, Матвей. - Глеб пожал плечами. - На служебных машинах стоят трекеры. Так решил совет три года назад, для безопасности руководства. Ты голосовал «за».

Я голосовал «за». Я забыл. Это была моя ошибка, и она стоила мне ровно одной ночи.

Ника стояла у окна с красной папкой в руках. Она не прижала ее к себе, не спрятала за спину. Просто держала, как держат папку с документами на прощании: ровно, перед собой. Кира тихо всхлипывала. Сергей смотрел в пол.

- Это ваше? - спросила Ника у Глеба и чуть приподняла папку.

- Вероника. - Он развел руками. - Я здесь впервые. Как и вы. Мне просто стало интересно, зачем мой брат в три часа ночи едет в Кудрово к человеку, которого ищет полиция.

- Полиция его не ищет. Приедут утром.

- Значит, я опередил полицию. - Улыбка. - Можно взглянуть?

- Нет.

Глеб не настаивал. Он сел на табурет, единственный в кухне, закинул ногу на ногу и посмотрел на меня.

- Ладно. Не буду делать вид. Я знаю, что там. Брачный договор. Ее дом переходит тебе при разводе.

- Откуда?

- У меня есть копия, Матвей. Пришла вчера. Анонимно, на рабочую почту. С пометкой «для совета директоров». - Он покачал головой. - Красиво сделано. Нотариус, печать, подписи. Вы женитесь на чужой свадьбе, а через пять лет застройщик, который скупает квартал, получает ритуальное бюро в центре этого квартала. Даже банк не поверит, что это совпадение. Что уж говорить про журналистов.

- Договор фальшивый.

- Я не сомневаюсь. - Глеб улыбнулся шире. - Докажи.

Ника молчала. Я чувствовал ее взгляд у себя на затылке. Холодный, внимательный. Так она смотрела на гроб, прежде чем решить, кто его понесет.

- Чего ты хочешь? - спросил я.

- Того же, что и всегда. Порядка. - Глеб встал, поправил пальто. - Через восемьдесят дней голосование. Ты можешь уйти сам, по-хорошему, по состоянию здоровья, с бонусом и благодарностью совета. Или можешь пойти на голосование с этой папкой за спиной. Выбирай.

- А если я ее сожгу?

- У меня копия. И у того, кто прислал мне копию, видимо, тоже. - Он посмотрел на Нику. - Вероника, вы прекрасная женщина. Мне искренне жаль, что вас втянули. Если захотите продать здание бюро, звоните. Я дам больше, чем банк. Без всяких браков.

Он положил на стол визитку. Белую, с золотым обрезом.

Ника посмотрела на визитку так, как смотрят на мертвую муху на скатерти перед поминками.

- Мы не продаемся, - сказала она. - Ни здание, ни я.

Глеб кивнул, будто ждал именно этого, и ушел. Двое в черном потопали за ним вниз по лестнице. Сигаретный дым остался.

Полиция приехала в восемь утра. Молодой лейтенант, сонный, с ручкой, которая не писала. Записал показания, сфотографировал кухню, папку изъял под протокол. Я сфотографировал каждую страницу на телефон, пока лейтенант искал другую ручку.

У подъезда Сергей догнал меня и взял за рукав, как Кира ночью.

- Матвей Андреевич. Тот, кто звонил тогда. Голос был немолодой. Вежливый, как у врача. Он сказал: «Передайте Матвею, что отец его еще простит».

- Отец?

- Так и сказал. Я подумал, это родственник. - Сергей отпустил рукав. - Простите. Я пять лет думал, что это ерунда.

Домой мы вернулись в десять. Ника молчала всю дорогу. Руку мою она отпустила еще в подъезде у Эдуарда, когда вошел Глеб, и больше не брала.

В одиннадцать мне позвонил Шилов, начальник юридической службы компании.

- Матвей Андреевич, у нас утечка. Глеб Андреевич разослал членам совета письмо с вложением. Брачный договор. Вы его видели?

- Видел. Это подделка.

- Хорошо. Тогда план такой. - Шилов говорил быстро, деловым тоном человека, у которого все давно продумано. - Первое: делаем заявление, что договор не имеет юридической силы, потому что брак фактически не существовал. Супруги не жили вместе, общего хозяйства не вели, брак фиктивный, заключен в шутку, вы о нем не знали. Второе: вы немедленно подаете на развод. Третье: дистанцируемся от Савельевой полностью. Никаких совместных появлений. Мы сделаем из нее мошенницу, которая пыталась вас обмануть, а вы жертва. Совет это купит.

Я стоял у окна. Внизу по Кронверкскому шли машины. Петропавловка в сером утреннем воздухе.

- Нет, - сказал я.

- Простите?

- Нет. Брак не фиктивный. Мы живем вместе. Я сказал «да» всерьез. И Савельева не мошенница.

- Матвей Андреевич, вы понимаете, что...

- Понимаю. Шилов, слушайте внимательно. Первое: заказываете почерковедческую экспертизу подписей на договоре и на заявлении. Лучшего эксперта в городе, за любые деньги. Второе: запрос в нотариальную палату, есть ли договор в реестре. Третье: если в компании кто-нибудь скажет про мою жену слово «мошенница», он уволен. Включая вас.

Пауза в трубке была длинной.

- Я понял, - сказал Шилов. Голос у него стал другим. - Экспертизу закажу сегодня.

Я положил трубку и обернулся.

Ника стояла в дверях гостиной. В той же пижаме с филинами, в пальто поверх, босиком. Она все слышала. Это было видно по лицу: по тому, как она держала подбородок, чуть выше, чем обычно.

- Вы сказали «моя жена», - сказала она.

- Сказал.

- Вашему юристу было бы проще сделать из меня мошенницу.

- Было бы.

- Почему не сделали?

Я посмотрел на нее. На филинов, на босые ноги на холодном паркете, на трещинку на нижней губе.

- Пятый пункт, - сказал я. - Не врать.

Она постояла еще секунду. Потом развернулась и ушла к себе. Дверь закрылась тихо. Как всегда.

Через минуту в мою дверь постучали. Я открыл. На пороге никого не было. На полу стояла чашка горячего кофе. Рядом лежала записка, на листке из ее рабочего блокнота с логотипом «Тихой гавани»:

«Спасибо. Но экспертизу я закажу сама. Своего эксперта. Не обижайтесь. Я хороню людей семь лет и знаю, что верить можно только бумаге с двумя подписями».

Я поднял чашку. Кофе был черный, без сахара. Как я пью.

Я ей этого не говорил.

Глава 13. Экспертиза

Своего эксперта я нашла в собственной картотеке предварительных заказов.

Лазарь Моисеевич Гольдин, восемьдесят один год, тридцать пять лет в экспертно-криминалистическом отделе ГУВД, почерковед. Два года назад он пришел в бюро, сел напротив меня, положил на стол конверт с деньгами и сказал: «Деточка, я хочу заказать себе похороны. Скромные. Без оркестра. И чтобы на ленте было написано без ошибок, а то я встану». Мы оформили все, от гроба до текста некролога. Текст он правил трижды.

Я позвонила ему в понедельник.

- Вероника Игоревна! - обрадовался он. - Неужели пора?

- Нет, Лазарь Моисеевич. Мне нужна ваша экспертиза.

Он принял меня в своей квартире на Восьмой линии, в комнате, где книги стояли до потолка, а на столе лежала лупа размером с блюдце. Я выложила копии: заявление из ЗАГСа, брачный договор с фотографий Матвея, запись акта, которую сотрудница архива распечатала мне за коробку конфет. И образцы: свою подпись на десяти документах бюро. Подпись Матвея я взяла с договора о пожизненном найме Анны Марковны, копию которого он оставил в кабинете на столе. Не украла. Сфотографировала.

Лазарь Моисеевич работал два часа. Я пила чай с сушками и смотрела, как он водит лупой по строчкам, бормочет, что-то меряет линейкой и записывает в тетрадь столбиком.

- Ну, - сказал он наконец и снял очки. - Слушайте. Первое. Подписи в записи акта о браке, обе, настоящие. Ваша и его. Почерк неровный, нажим скачет. Вы были, простите, нетрезвы?

- Я не спала сутки.

- Вот. А он трезвый, но нервничал. Видите, «Л» в начале фамилии с заломом? Человек колебался долю секунды. Это настоящие подписи.

Значит, в той папке на фотозоне мы расписались в настоящей книге. Не в шуточной. Я подписывала бумажку для смеха, а расписалась за пять лет своей жизни.

- Второе. Заявление и брачный договор. Подписи поддельные. Обе. И ваша, и его. - Он постучал ногтем по копии. - Выполнены одной рукой. Срисовка с образца, медленная, с остановками. Видите точку после фамилии? У вас ее нет. У него тоже нет. А у того, кто подделывал, она есть. Это его привычка. Его, не ваша.

- Значит, кто-то имел образцы наших подписей?

- Именно. И вот что интересно. - Он надел очки обратно. - Ваша подпись срисована с какого-то документа тех лет, когда вы были моложе. Вот здесь хвост у «С» короче, вы потом стали его удлинять. А его подпись срисована с документа, где он подписывался деловой, быстрой рукой. Это подпись человека, который подписывает много. Директора. С каких-то деловых бумаг.

- С бумаг его компании.

- Или его отца, - сказал Лазарь Моисеевич. - Подписи у отцов и сыновей бывают похожи. Но эта именно его. Я сравнил с образцом.

Я сидела и смотрела на копии. Кто-то пять лет назад имел образец моей подписи и образец подписи Матвея. Кто-то был уверен, что мы окажемся на одной свадьбе. Кто-то заплатил Эдуарду.

У кого были деловые бумаги Матвея пять лет назад? У Глеба. У отца. У юристов. У самого Матвея.

- И последнее, - сказал Лазарь Моисеевич. - Печать нотариуса на договоре. Ковалева Т.С. Я ее знал. Татьяна Семеновна, Всеволожский нотариальный округ. Умерла два года назад, инсульт. Честнейший человек. Ее печать после смерти должны были уничтожить по акту. Если ее не уничтожили, значит, ее кто-то забрал.

- Кто?

- Наследники. - Он пожал плечами. - У нее был сын. Непутевый. Работал в ЗАГСе, кажется. Эдик.

Я перестала дышать.

- Ковалев, - сказала я. - Эдуард Ковалев.

- Вы с ним знакомы?

- Он нас поженил.

Лазарь Моисеевич посмотрел на меня поверх очков долго и печально.

- Деточка, - сказал он. - Похороны я у вас уже оплатил. Но если вы хотите, я дам показания в суде. Бесплатно. Мне все равно скоро умирать, а умирать лучше с пользой.

На прощание он проводил меня до двери и вдруг взял за руку сухими теплыми пальцами.

- Вероника Игоревна. Мы, почерковеды, говорим: подпись это человек, который торопится. Подделка это человек, который никуда не торопится. Тот, кто это сделал, был очень спокоен. Бойтесь спокойных.

Домой я вернулась в шесть. Матвей был на кухне: резал хлеб тем самым единственным ножом, который я до сих пор не заменила. Две тарелки на столе. Два стакана. Сахарница-лебедь.

Флешку из агентства я так и не открыла за две недели. Сегодня, в конторе, вставила в бабушкин ноутбук. Фотографии меня. И одна папка, которую я не ожидала увидеть: «Ковалев Э.В.». Адрес в Кудрово. Фотография Эдуарда у подъезда, с пакетом из «Пятерочки». Дата: двенадцатое июля.

Три месяца назад.

Я положила телефон на стол перед ним, экраном вверх.

- У вас был адрес Эдуарда с июля.

Матвей посмотрел на экран. Нож остановился над хлебом.

- Да.

- И не сказали мне. Ни в ЗАГСе, ни когда я пришла в ваш офис, ни когда подписывали правила. Ни когда Кира звонила ночью и мы ехали к нему, будто ищем его впервые.

- Я ездил к нему в июле. Он не открыл. Я оставил записку. Он не позвонил. Я решил, что он испугался и уехал.

- Вы решили.

- Да.

- А мне решать не дали. - Голос у меня был ровный, слишком ровный. Так я говорю с родственниками, которые пытаются поменять гроб за час до выноса. - Пятый пункт. Не врать о прошлом.

- Я не врал. Вы не спрашивали про Эдуарда.

- Я не спрашивала, потому что понятия не имела, о чем спрашивать!

Это было первый раз, когда я на него крикнула. Звук отскочил от высокого потолка и вернулся. Валерий Петрович на подоконнике будто втянул колючки.

Матвей положил нож.

- Вы правы, - сказал он тихо. - Это было неправильно. Опять.

- Опять, - повторила я. - Вот именно. Сначала досье. Теперь Эдуард. Что еще у вас лежит в ящиках, о чем вы молчите? Кто подделал вашу подпись деловой рукой, Матвей? У кого были ваши бумаги пять лет назад?

Он молчал. Смотрел на меня, и в глазах было то самое, подо льдом, но теперь лед был толще.

- Я не знаю, - сказал он наконец.

- Вы не знаете или не хотите говорить?

- Я не знаю, Вероника.

Я взяла телефон. Пошла к себе. У двери обернулась.

- Мой эксперт говорит, что нотариус Ковалева Татьяна Семеновна была матерью Эдуарда, - сказала я. - Печать после ее смерти никто не уничтожил. Ваш эксперт вам этого еще не сказал?

По его лицу было видно: нет.

Я закрыла дверь. Впервые за две недели я ее заперла на ключ.

Глава 14. Собеседование

Два дня мы не разговаривали.

Это было несложно. Он уходил в семь, я в восемь. Он возвращался в одиннадцать, я в десять и к одиннадцати уже лежала у себя за запертой дверью. Ужин в среду я пропустила, сославшись на ночное прощание. Прощания не было. Я сидела в машине у бюро и ела шаверму, глядя на Неву, и злилась на шаверму за то, что она вкусная.

На кухне мы пересекались только утром, у кофемашины, которую он купил в понедельник, видимо, в качестве мирного договора. Кофемашина была итальянская, хромированная, и делала кофе таким вкусным, что я ее возненавидела вместе с шавермой.

В пятницу было собеседование в банке.

Головной офис на Невском занимал бывший особняк какого-то графа. Мраморная лестница, лепнина, охранник с металлоискателем. Нас провели на третий этаж, в коридор с одинаковыми дверями, и попросили подождать.

Мы сидели на кожаном диване на расстоянии ровно одного человека друг от друга. Мимо ходили сотрудники в одинаковых синих костюмах.

- Если они спросят про зубные щетки, - сказал Матвей, глядя перед собой.

- Щетиной вниз.

- Я помню.

- А если спросят, почему мы два дня не разговариваем?

Он чуть повернул голову.

- Скажем правду. Поссорились.

- Из-за чего?

- Из-за того, что я идиот.

Я посмотрела на него. Он смотрел на дверь напротив. Лицо спокойное, только на скуле дергалась мышца.

- Вас первого, - сказал молодой сотрудник, выглянув из двери. - Матвей Андреевич.

Он ушел. Я осталась на диване одна и считала лепные розетки на потолке. Их было четырнадцать. Одна с трещиной. Я подумала, что на месте банка заменила бы ее, а потом подумала, что меня это не касается, а потом мне стало стыдно, что я думаю о лепнине, когда за дверью решается судьба бюро.

Его не было сорок минут.

Потом дверь открылась, и он вышел. Посмотрел на меня как-то странно. Не сказал ни слова. Сел на диван, на свое место, на расстоянии одного человека.

- Вероника Игоревна, - сказал сотрудник. - Прошу.

В кабинете за столом сидел мужчина лет шестидесяти, седой, в очках, с лицом, которое было смутно знакомым. Перед ним лежала папка и стоял стакан чая в подстаканнике. Настоящий, железнодорожный.

- Присаживайтесь, - сказал он. - Брагин Виктор Семенович, служба безопасности.

Я села. Он посмотрел на меня поверх очков. Потом снял очки, протер их платком, снова надел.

- Мы с вами знакомы, - сказал он.

- Простите?

- Два года назад. Март. Людмила Брагина. - Он помолчал. - Вы хоронили мою жену.

Я вспомнила. Март, оттепель, грязный снег. Женщина пятидесяти восьми лет, рак поджелудочной. Муж, который весь день стоял у гроба и не мог сесть, потому что, как он сказал, «если я сяду, значит, все». Я поставила ему стул у изголовья и сказала: «Сидя тоже можно прощаться. Она не обидится». Он сел. Через минуту заплакал первый раз за весь день.

- Виктор Семенович. Я помню.

- Вы поставили мне стул. - Он кивнул. - Я тогда вам спасибо не сказал. Говорю сейчас. Спасибо.

- Не за что.

- Есть за что. - Он открыл папку и посмотрел в нее. - Ну что ж. Работа есть работа, Вероника Игоревна. Будем работать. Какой стороной ваш муж кладет зубную щетку в стакан?

- Щетиной вверх. Говорит, так она сохнет. А я кладу вниз. Мы из-за этого ссорились на второй день.

Брагин записал.

- Кто встает первым?

- Он. В шесть сорок. Делает сорок отжиманий у окна и думает, что я не слышу.

- А вы слышите?

- Через метровую стену. Дом купеческий, он рассказывал. Отжимания слышно все равно.

Брагин чуть улыбнулся углом рта. Записал.

- Что муж подарил вам последним?

- Кофемашину. В понедельник.

- По какому поводу?

- Это был не подарок. Это было извинение.

Брагин поднял глаза от папки.

- У нас с Людмилой извинения тоже всегда выходили дороже подарков, - сказал он. - Тридцать два года. Последнее было шубой. Она ее так и не надела, весна началась. - Он помолчал и опустил глаза обратно в папку. - Как вы познакомились?

Я открыла рот, чтобы сказать заготовленное: «на свадьбе общей подруги, разговорились, потом встречались». Мы это репетировали.

И закрыла.

Он только что сидел здесь сорок минут. Он что-то рассказал. Что именно, мне неизвестно. Если я скажу заготовку, а он сказал что-то другое...

- На свадьбе подруги, - сказала я медленно. - Пять лет назад. Я подошла к нему, потому что он был единственный, кто не улыбался. И сказала ему, что он похож на человека, которого скоро хоронить.

Брагин перестал писать. Снял очки.

- Он сказал то же самое, - произнес он. - Почти слово в слово. Только добавил кое-что.

- Что?

- Что вы тогда были единственным честным человеком на той свадьбе. И что он сказал «да» всерьез. - Брагин помолчал. - И что он потом пять лет носил с собой эту фразу, как носят в кошельке фотографию.

У меня в горле что-то застряло. Я смотрела на подстаканник.

- Вероника Игоревна, - сказал Брагин мягко. - Я тридцать лет проверял людей. В КГБ, потом в ФСБ, теперь здесь. Я умею отличать заготовку от правды. Ваш муж не репетировал. И вы сейчас тоже.

Он закрыл папку.

- Решение принимаю не я один. Но мое заключение будет положительным. Подписание договора залога в следующую пятницу, оба супруга лично. - Он встал и протянул мне руку. - Берегите его. У него лицо человека, который долго стоял у гроба и боялся сесть.

Я вышла в коридор. Матвей сидел на диване. Поднял голову.

Я села рядом. Не на расстоянии одного человека. Рядом. Плечом к плечу.

- Вы рассказали ему правду, - сказала я.

- Пятый пункт.

- Про кошелек тоже правда?

Он помолчал.

- Тоже.

Мы сидели на кожаном диване в банке, плечом к плечу, и молчали. Мимо ходили люди в синих костюмах. Розетка на потолке была с трещиной.

У него зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и поднес трубку к уху.

- Лев.

Я слышала голос брата: быстрый, без шуток.

- Матвей. Ковалев Эдуард Владимирович. Нашелся. Хоспис на Васильевском, Двадцать первая линия. Поступил три дня назад по скорой. Рак легких, четвертая стадия. Мне сказала знакомая, она там дежурит. - Пауза. - Он просит священника. И еще просит позвать какую-то Савельеву.

Глава 15. Хоспис

Хоспис на Двадцать первой линии стоял во дворе за старой церковью. Двухэтажное здание, желтое, с белыми наличниками, чистое до неприличия. В холле пахло не больницей, а яблоками: на столе у поста стояла ваза с антоновкой, и кто-то из волонтеров каждое утро приносил свежие.

Ника шла рядом. Всю дорогу от банка она молчала, но молчала иначе, чем последние два дня. Не стеной. Просто думала.

- Вы бывали в хосписах? - спросил я, когда мы поднимались по лестнице.

- Часто. Отсюда к нам потом едут. - Она поправила сумку на плече. - Здесь хорошо умирают. Без лишнего шума. Персонал знает, что делает.

- Звучит как рекламный буклет.

- Это и есть буклет. Я им писала текст в прошлом году. Бесплатно.

Медсестра на посту, полная женщина с крестиком поверх халата, посмотрела на нас внимательно.

- К Ковалеву? Вы Савельева?

- Я.

- Он вас ждет. Третий день спрашивает. - Она понизила голос. - Он говорит плохо, кислород. Не утомляйте. И если он попросит воды, давайте с ложечки, не из стакана.

Палата была маленькая, на одного. Окно во двор, на голые липы. Кровать с поднятым изголовьем, кислородный концентратор гудел у стены, как старый холодильник. На тумбочке иконка, стакан, пачка сигарет. Сигареты, видимо, были для утешения.

Эдуарда я узнал не сразу. Пять лет назад это был пухлый мужчина с бабочкой и красной папкой, громкий, с шуточками. Сейчас на кровати лежал человек, от которого осталось меньше половины. Серая кожа, запавшие щеки, руки поверх одеяла тонкие, как у подростка. Глаза только остались те же: быстрые, бегающие, хитрые.

Он посмотрел на Нику. Потом на меня. Губы под кислородной трубкой дрогнули.

- Жених, - сказал он хрипло. - И невеста. Пришли. А я решил, не придете.

- Почему вы звали меня? - спросила Ника. Она села на стул у кровати. Близко. Так садятся у тех, кому осталось мало.

- Потому что вы хороните. - Он закашлялся, долго, мучительно. Ника взяла с тумбочки стакан, ложечку и дала ему воды, как сказала медсестра. Он отпил. - Мать мне говорила: у Савельевых на Васильевском хоронят по-человечески. Мать в этом разбиралась. Она всех нотариусов и всех гробовщиков в области помнила по именам.

- Татьяна Семеновна, - сказала Ника.

- Вы и про нее знаете. - Он слабо усмехнулся. - Умная. Я так и рассчитывал.

Я стоял у окна. Мне хотелось взять его за ворот больничной рубашки и встряхнуть. Я не двигался.

- Эдуард, - сказал я. - Кто вам заплатил?

Он посмотрел на меня. Глаза перестали бегать.

- Ты злой, - сказал он. - Понимаю. Я бы тоже злился. - Пауза, вдох через трубку. - Пятьсот тысяч. Пять лет назад для меня это были огромные деньги. Я был должен. Сильно должен, плохим людям. Карты. Мне сказали: распишешь их по-настоящему, на фотозоне, под видом шутки. Заявление подадут за месяц, подписи будут, все будет чисто. От тебя только книга и печать ЗАГСа в тот день.

- Кто сказал?

- Человек. Пришел в ЗАГС, в мой кабинет. Пальто хорошее. Говорил вежливо. Сказал, что это свадебный подарок. Сыну Андрея Ильича. Что сын у Андрея Ильича одинокий и про-

падет без жены, а тут такая хорошая девушка, честная, из хорошей семьи. Что потом они сами разберутся, а пока пусть будет запись. На всякий случай.

Я почувствовал, как у меня холодеют пальцы. Ника не обернулась ко мне. Она смотрела на Эдуарда.

- Сыну Андрея Ильича, - повторила она. - Вы уверены, что он так сказал?

- Уверен. Я еще подумал: какой заботливый. - Эдуард закрыл глаза. - А через три года пришел снова. Мать к тому времени умерла. Попросил печать. Я ее хранил, не сдал, как положено. Он попросил, я дал. Еще двести тысяч. Я опять был должен.

- Брачный договор, - сказал я.

- Я не знаю, что он там печатал. - Эдуард открыл глаза. - Честно. Я дал печать и больше его не видел. До прошлой недели.

- Что было на прошлой неделе?

- Он позвонил. Сказал, что ко мне придут спросить про свадьбу и что лучше мне уехать. Дал денег на билет. А у меня в тот вечер кровь пошла горлом. Соседка вызвала скорую. Вот, - он повел рукой по палате, - уехал.

Он снова закашлялся. На этот раз дольше. Медсестра заглянула в дверь, посмотрела на нас и ничего не сказала.

- Как он выглядел? - спросила Ника. - Возраст. Рост. Что-нибудь.

- Я устал, - сказал Эдуард. - Не сегодня. Я подумаю, как сказать. Я хочу правильно. Я никогда ничего не делал правильно.

- Эдуард. - Ника наклонилась к нему. - У вас мало времени.

- Знаю, - сказал он неожиданно спокойно. - Поэтому и звал вас. У меня к вам дело.

- Какое?

- Похороните меня. - Он смотрел на нее, и в глазах впервые не было хитрости. - По-человечески. Не как бомжа, в мешке. С музыкой. И чтобы кто-нибудь пришел. Хоть кто-нибудь. У меня никого нет. Мать умерла, жена ушла, друзей я проиграл в карты. Я хочу, чтобы на моих похоронах кто-нибудь стоял.

Ника молчала. Я видел ее профиль: ровный, бледный, губы сжаты.

- Я заплачу, - сказал Эдуард. - У меня осталось сто тысяч. Те, что на билет.

- Деньги на билет, - сказала Ника. - От человека, который вас купил.

- Других нет.

Она выпрямилась. Посмотрела на него долго. Потом сказала очень тихо, тем голосом, которым, наверное, говорит с родственниками в первые минуты:

- Хорошо. Я вас похороню. С музыкой. И люди будут.

- Откуда вы возьмете людей?

- Это моя работа, - сказала Ника.

Мы вышли в коридор. Пахло антоновкой. Ника остановилась у окна и стояла спиной ко мне, глядя на липы.

- Сын Андрея Ильича, - сказала она, не оборачиваясь. - Ваш отец Андрей Ильич.

- Да.

- Кто еще называет себя его сыном?

Я молчал. Глеб называл моего отца папой с двенадцати лет. На похоронах матери Глеба, восемь лет назад, он стоял рядом с отцом и держал его под руку. А я стоял сзади.

- Вероника, - сказал я. - Человек сказал «сыну Андрея Ильича». Не «моему брату». Не «Матвею».

- Я слышала. - Она обернулась. Глаза у нее были сухие и очень темные. - А еще он сказал: «пальто хорошее» и «говорил вежливо». Ваш отец носит хорошие пальто?

Я посмотрел на нее.

Отец носил кашемировые пальто от одного портного на Большой Конюшенной сорок лет. И золотые запонки, которые подарила ему моя мать.

Глава 16. Прощание при жизни

Прощание при жизни я организовывала один раз. Три года назад, для бывшей учительницы пения, которая сказала: «Не хочу, чтобы обо мне говорили хорошее, когда я уже не услышу». Мы собрали в зале ее учеников, пятьдесят человек от семи до шестидесяти лет, и они пели ей хором «Землянку». Она дирижировала из кресла-каталки и делала замечания альтам. Умерла через две недели, довольная.

Эдуарду было хуже. У него не было учеников. У него не было никого.

- Кого ты собираешься звать? - спросила Зоя, когда я рассказала ей в конторе. - Кредиторов?

- Всех, кто с ним как-то связан.

- Ника, его жизнь это карты, долги и одна поддельная свадьба. Ты хочешь собрать гостей с той свадьбы?

Я посмотрела на нее.

- Да, - сказала я. - Именно.

Кира рыдала в трубку двадцать минут, а потом сказала, что придет и испечет пирог. Сергей долго молчал и сказал: «Он мне брат. Поганый, но брат». Лазарь Моисеевич сказал, что придет, потому что хочет посмотреть в глаза человеку, у которого была печать покойной Татьяны Семеновны. Илья спросил, можно ли ему взять скрипку.

- Ты же не играешь с тех пор, как ушел из оркестра.

- Не играю, - сказал Илья. - Но я ее храню. Как вы храните калькулятор вашей мамы.

Откуда ему известно про мамин калькулятор, я понятия не имела. Я об этом никому не говорила.

Матросу без двух пальцев, Николаю Степановичу, я позвонила сама. Он помолчал в трубке, выслушал и сказал: «На чужие похороны хожу охотно. Свои, видимо, пропущу. Приду».

Матвей ничего не сказал. Просто в субботу утром оделся в черный костюм и ждал меня в прихожей. Мы все еще говорили мало. Но в машине он включил радио, а я не выключила.

Прощание было в маленькой гостиной хосписа, где по вечерам пациенты смотрели телевизор. Мы с Ильей расставили стулья полукругом. Двенадцать. Медсестры принесли еще четыре: они тоже хотели прийти. Кира поставила на столик пирог с капустой, огромный, кривой, явно испеченный в слезах. Лев принес бутылку кагора и сказал, что это лекарство, он реаниматолог, ему виднее.

Эдуарда привезли в кресле-каталке, с кислородным баллоном на коленях. Он был в рубашке и, неожиданно, в той самой бабочке. Красной, в белый горошек. Видимо, медсестра нашла ее в его вещах.

Он посмотрел на полукруг стульев. На людей. На Сергея, который стоял у окна и не смотрел на брата.

- Это что? - спросил Эдуард хрипло.

- Ваши похороны, - сказала я. - Пока вы можете на них присутствовать. Говорят, это лучшие похороны: можно поправить речи.

Он долго смотрел на меня. Потом засмеялся. Смех перешел в кашель, и Лев шагнул к нему, но Эдуард махнул рукой.

- Монтень, - сказала я, когда все сели, и сама удивилась, что голос у меня дрогнул. - Монтень писал, что философствовать значит учиться умирать. Я хороню людей семь лет и все еще учусь. Эдуард Владимирович решил поучиться вместе с нами.

Говорили по очереди.

Кира сказала, что на ее свадьбе Эдик был самым смешным человеком и что она до сих пор показывает гостям фотографию, где он в бабочке объявляет их мужем и женой. Голос у нее сорвался на слове «мужем», и Сергей подошел и положил ей руку на плечо.

Сергей сказал:

- Ты мне должен восемьдесят тысяч с две тысячи девятнадцатого. Прощаю. - Помолчал. - Ты в детстве меня из Оредежа вытащил, когда я тонул. Я тебе этого не говорил. Говорю.

Эдуард закрыл глаза.

Лазарь Моисеевич встал, оперся на палку и сказал:

- Я знал вашу мать. Она была честным человеком. Вы ее печать украли. Но вы ее сын, и она вас любила, это я тоже знаю. Она мне про вас рассказывала: «Мой Эдик непутевый, но добрый». Я вам не прощаю печать. Но я пришел.

Николай Степанович, матрос, не стал вставать. Сказал с места, коротко:

- Я тебя не знаю. Но ты сейчас уходишь в рейс, из которого не возвращаются. На проводы в такой рейс приходят все, кто в порту. Я в порту. Вот и пришел.

Илья взял скрипку.

Я никогда не слышала, как он играет. Три года он работал у меня, носил венки, расставлял стулья, краснел от слова «кремация». Он поднял скрипку к подбородку, и лицо у него изменилось. Стало взрослым и строгим.

Он сыграл «Прощание славянки». Медленно, совсем не как марш. Как песню. В гостиной хосписа стало так тихо, что слышно было, как гудит кислород в баллоне у Эдуарда на коленях.

Эдуард плакал. Беззвучно, с открытыми глазами.

Когда все расходились, он поймал меня за руку. Пальцы у него были холодные и легкие, как бумага.

- Спасибо, - сказал он. - Я запишу. Про того человека. Все, что помню. На диктофон. Медсестра даст. Я обещаю. Только не сегодня. Сегодня у меня были похороны, я устал.

Мы вышли в больничный сад, когда уже стемнело. Под липами горел один фонарь, и снег лежал на лавках ровными белыми подушками. Матвей шел рядом, руки в карманах пальто.

Я остановилась.

Он остановился тоже. Посмотрел на меня. В свете фонаря у него было усталое лицо, светлые ресницы, белый шрам на подбородке.

- Матвей.

- Да.

- Пункт четвертый.

Он сразу отступил на полшага. Привычно, мгновенно.

- Я помню, - сказал он.

- Нет. - Я взяла его за лацкан пальто. Ткань была холодная и влажная от снега. - Вы не расслышали. Я прошу.

Он не двигался. Смотрел на меня так, будто я заговорила на языке, которого он не знает, но очень хочет выучить.

- Вы уверены?

- Я хороню людей семь лет, - сказала я. - И сегодня до меня дошло, что я не хочу, чтобы на моих похоронах кто-нибудь сказал: «Она так и не попросила».

Он поднял руку и коснулся моей щеки. Пальцы были холодные с мороза, а ладонь теплая. Наклонился медленно, давая мне время передумать. Я не передумала.

Губы у него были сухие и горячие. Он целовал меня осторожно, как будто я могла разбиться, и это было невыносимо. Я притянула его за лацкан ближе, и он перестал быть осторожным. Его рука легла мне на затылок, под волосы. Я почувствовала, как у него под пальто колотится сердце, быстро, неровно, как у человека, который бежал по лестнице.

Снег падал нам на волосы, на плечи. Где-то за стеной хосписа Илья, наверное, убирал скрипку в футляр.

Когда мы оторвались друг от друга, он не отпустил меня. Стоял, прижавшись лбом к моему лбу, и дышал.

- Пункт четвертый, - сказал он хрипло, - можно считать отмененным?

- Только для этого, - сказала я. - Остальное по-прежнему по просьбе.

- Я умею ждать.

- Я заметила, - сказала я. - Пять лет.

Глава 17. Утро после

Утром мы оба сделали вид, что ничего не было.

Это получилось у нас прекрасно. Мы были профессионалами: он годами делал вид перед советом директоров, что ему все равно, я годами делала вид перед вдовами, что мне не страшно. Мы встретились на кухне в семь двадцать. Он в рубашке, я в халате. Кофемашина зашипела.

- Доброе утро, - сказал он.

- Доброе.

- Кофе?

- Да. Спасибо.

Он поставил чашку на стол, а не дал мне в руки. Я взяла ее со стола, а не из его рук. Двое взрослых людей вели себя у кофемашины как саперы на минном поле.

- Сегодня воскресенье, - сказал он, глядя в окно. - Ужин по правилам.

- Я могу заказать. Или приготовить. Я умею делать омлет.

- Омлет на ужин?

- Я умею делать только омлет.

Я засмеялась. Он посмотрел на меня, и в глазах у него мелькнуло что-то теплое, быстрое, и сразу спряталось обратно. Я тоже спрятала смех в чашку.

- Мне нужно в бюро, - сказала я. - Прощание в двенадцать.

Прощания в двенадцать не было. В воскресенье мы не работаем. Он, наверное, догадался. И ничего не сказал.

В бюро Зоя Павловна сидела в конторе с калькулятором и газетой «Санкт-Петербургские ведомости», которую выписывает с семьдесят девятого года. Она подняла на меня глаза поверх очков, и стало ясно, что это была ошибка. Надо было ехать в торговый центр. В кино. На кладбище. Куда угодно, только не к бабушке.

- Так, - сказала Зоя.

- Что «так»?

- Садись.

- Бабушка, я на минуту. Проверить холодильную камеру.

- Камера работает, я проверяла в девять. Садись, Вероника.

Я села. Зоя сложила газету. Сняла очки. Это плохой знак. Очки она снимает, когда сообщает родственникам стоимость полного пакета услуг.

- Ты его поцеловала, - сказала она.

- С чего ты взяла?

- У тебя губы. И шарф. Ты надела шарф в помещении, Вероника, у нас тут двадцать четыре градуса. Ты прячешь шею. Ты так прятала шею в десятом классе после дискотеки с Пашей Гуляевым.

- Это было двенадцать лет назад!

- Шея та же. - Зоя постучала пальцем по столу. - Ну? Кто кого?

- Я. Попросила.

Бабушка смотрела на меня долго. Потом кивнула, будто я сдала экзамен, но не на отлично.

- А теперь ты сбежала сюда, - сказала она, - потому что испугалась.

- Я не испугалась.

- Испугалась. Ты всегда пугаешься, когда что-то начинается. Тебе нравится то, что кончается. Кончилось, можно организовать: стулья, венки, сорок секунд. А когда начинается, орга-

низовать нельзя. И ты бежишь в контору к старухе и делаешь вид, что проверяешь холодильник.

Я молчала. Смотрела на герань на подоконнике. Герань цвела, хотя был ноябрь.

- Твоя мама была такая же, - сказала Зоя тише. - Она за твоего отца выходила, так три раза из ЗАГСа сбегала. Говорила: «Мама, а если он умрет раньше меня?» Я ей говорила: умрет, значит, похороним. У нас семейный бизнес. А пока живи.

- Бабушка...

- Что «бабушка»? Он гроб нес правильно. Брагину в банке, ты сама говорила, правду рассказал. И сегодня утром, - она кивнула на окно, - приехал.

Я обернулась.

Во дворе бюро стояла машина Матвея. Рядом грузовик с надписью «Кровельные работы». Двое рабочих в оранжевых жилетах снимали с грузовика рулоны рубероида и лестницу. Матвей стоял рядом в куртке, без шапки, и показывал рукой на крышу над архивом.

На ту самую крышу, которая протекала.

- Он позвонил мне в восемь, - сказала Зоя. - Спросил, где у нас течет. Я сказала: над архивом, третий год. Он сказал: буду в одиннадцать. Он приехал в десять сорок пять. - Она надела очки обратно. - Мужчина, который приезжает раньше, Вероника, это редкость. Твой дед опаздывал всю жизнь. Даже на собственные похороны: катафалк сломался на Тучковом мосту.

Я вышла во двор. Матвей увидел меня и опустил руку.

- Вы сказали, у вас прощание в двенадцать, - сказал он.

- Я соврала.

- Я знаю. - Он посмотрел на крышу. - Илья говорил, что над архивом течет. Там документы за сорок лет. Если промокнут, их не восстановить.

- Это наша крыша.

- Он улыбнулся оценив каламбур - Так и есть - сказал он. - Судя по бумагам, которые мы оба подписали.

Рабочие поставили лестницу. Один полез наверх. Снег с края крыши посыпался мне на волосы. Матвей поднял руку и стряхнул его. Пальцы задержались у меня на виске на секунду дольше, чем нужно. Потом он убрал руку.

- Ужин в восемь, - сказал он. - Омлет.

- С чем?

- С чем скажете.

- С сыром. И с помидорами. И без скорлупы.

- Последнее не гарантирую.

Я улыбнулась. Он тоже, почти. Угол рта, тот самый, который хранится в сейфе.

Пока рабочие возились наверху, Зоя позвала его в контору пить чай. Меня не позвала. Я стояла во дворе у двери и слышала все, потому что стены в конторе тонкие, не купеческие.

- Коньяку? - спросила Зоя.

- За рулем.

- Правильно. Значит, чаю. - Звякнула чашка. - Матвей Андреевич, я старая и спрашиваю прямо. Вы ее обидите?

Пауза.

- Постараюсь нет.

- «Постараюсь» это не ответ. Это смета.

- Тогда нет.

- Вот это ответ. - Зоя помолчала. - Помните, что я вам обещала, если вы придете за домом в третий раз?

- Забальзамировать бесплатно.

- За нее обещаю то же самое. Только без бальзамирования. Сразу в печь.

- Я запомню цену, Зоя Павловна.

- Запомните, - сказала бабушка. - И пейте чай, он с чабрецом. Чабрец от нервов. Вам, я вижу, нужно.

Омлет был со скорлупой. Немного.

- Почему калькулятор? - спросил он вдруг, когда я выловила из тарелки третий осколок. - Зоя Павловна сказала, у вас в сумке мамин калькулятор. Всегда.

- Она вам и это рассказала?

- За чаем с чабрецом она рассказывает все.

Я положила вилку.

- Мама на нем считала, сколько нам не хватает до зарплаты. Каждый месяц. В последний раз она посчитала за день до операции. Цифра так и осталась на экране, пока батарейка не села. Минус четыреста двенадцать рублей.

Он помолчал.

- И вы его носите.

- Чтобы помнить, что все можно посчитать, - сказала я. - Кроме того, что нельзя.

Мы ели его из двух тарелок, сидя напротив, и разговаривали о крыше, о Лазаре Моисеевиче, о том, что Илья, оказывается, гениально играет. О вчерашнем вечере не говорили. Но когда я вставала из-за стола, он поймал мою руку и поцеловал костяшки пальцев. Быстро, легко, не глядя на меня. И отпустил.

Я ушла к себе. Дверь не заперла.

В одиннадцать вечера у него зазвонил телефон. Через стену было не слышно слов, только голос. Потом шаги. Он постучал в мою дверь.

- Вероника. Шилов. Нотариальная палата ответила. Договора в реестре нет. Его никогда не регистрировали. - Пауза. - И еще. Глеб созвал внеочередной совет. Завтра в десять. Вопрос повестки: «Репутационные риски, связанные с супругой генерального директора».

Глава 18. Совет

Глеб пришел на совет в белой рубашке с золотыми запонками.

Я заметил их, когда он положил руки на овальный стол. Квадратные, гладкие, с маленьким черным камнем в центре.

Раньше он носил серебро. Или я раньше не смотрел на его манжеты. После хосписа я смотрел на манжеты всех мужчин в городе: у швейцара в банке, у бармена, у Шилова. У Шилова были пуговицы.

- Коллеги, - сказал Глеб. - Повестка у нас неприятная. Мне самому неловко. Но молчать я не имею права.

Он раздал всем распечатки. Шесть экземпляров. Мне не дал. Я взял у соседа.

Брачный договор. Пункт четыре и три подчеркнут желтым маркером.

Ниже выписка из банка: задолженность бюро «Тихая гавань» за холодильную камеру, налоги, аренда катафалка. Еще ниже фотография Ники, выходящей из моего подъезда.

Сделана, видимо, тем же агентством, что и раньше, или другим. На фото она в пальто поверх пижамы с филинами. Утро после Кудрово.

- Генеральный директор нашей компании, - говорил Глеб ровно, с сожалением в голосе, - пять лет назад заключил брак при странных обстоятельствах. С женщиной, бизнес которой находится в центре квартала, где мы ведем реконструкцию. Брак скрывался.

Он отпил воды и продолжил:

- Внезапно он обнаруживается за три месяца до голосования. Появляется брачный договор, по которому имущество супруги переходит супругу. То есть фактически нашему генеральному директору. Я не делаю выводов. Я просто задаю вопрос: не используется ли компания в личных схемах руководства? И не является ли супруга, простите, участницей мошенничества?

Тишина. Шесть человек смотрели в распечатки. Двое отцовских переглянулись. Мои двое смотрели на меня.

Я встал.

Совет любит, когда говорят сидя: это спокойнее, это по-деловому. Я встал, потому что за последний месяц нес гроб по скользким ступеням и усвоил, что некоторые вещи надо делать стоя.

- Первое, - сказал я. - Брачный договор поддельный.

Я положил на стол письмо нотариальной палаты.

- Договор не зарегистрирован в реестре нотариальных действий. Его никогда не удостоверяли. Нотариус, чья печать на нем стоит, умерла два года назад. Ее печать не была уничтожена, ее присвоил ее сын. Сын этот сейчас в хосписе и дает показания.

Я положил второй документ.

- Заключение почерковедческой экспертизы. Две экспертизы, независимые: одну заказала моя юридическая служба, другую моя жена. Обе говорят одно и то же. Подписи сторон на договоре поддельные. Обе выполнены одной рукой. Ни моей, ни ее.

- Это ты так говоришь, - мягко сказал Глеб.

- Это говорят эксперты. Один из них тридцать пять лет работал в ГУВД. Он готов выступить в суде.

- Пенсионер с лупой, которого наняла твоя жена, - сказал Глеб. - Это не заключение, Матвей. Это мнение. Суд назначит свою экспертизу, и она займет полгода. А голосование через восемьдесят дней.

- Значит, суд назначит, - сказал я. - Я подожду. Ты тоже подождешь. Ты же терпеливый.

Я остался стоять. Посмотрел на шесть человек за столом. На седьмого.

- Второе. Моя жена не мошенница. Она хоронит людей. Семь лет, в бюро, которое открыл ее прадед. Она вывела семейное дело из долгов, которые набрали до нее. Она в одиночку провела вчера прощание для человека, который ее обманул, потому что тот попросил, а у него никого не было. Она не взяла с него денег.

- Трогательно, - сказал Глеб.

- Третье. - Я повернулся к нему. - Если в этой комнате кто-нибудь еще раз назовет мою жену мошенницей, я подам в суд за клевету. Лично. Не от компании.

Кто-то из отцовских кашлянул. Потом второй. Мои двое смотрели в стол, но я видел, что один улыбается.

- Матвей, - сказал Глеб, все еще мягко, как с больным. - Я тебя понимаю. Ты защищаешь женщину. Это благородно. Но совет должен думать о компании. Пусть экспертизы, пусть письма. Журналисты не читают экспертиз. Журналисты читают заголовки. «Девелопер женился на гробовщице ради квартала». Красиво?

- Ты уже отдал им?

Глеб развел руками. Запонки блеснули под лампой.

- Я ничего никому не отдавал. Но такие вещи утекают. Сам знаешь.

- Тогда пусть утекает, - сказал я. - Я женат на гробовщице. Это правда. Остальное ложь. Пусть напишут правду, я подпишусь.

Ольга Кравец, одна из моих двоих, финансовый директор, подняла руку, как в школе.

- Матвей Андреевич. Можно не по повестке?

- Можно.

- Вы ее любите?

В переговорной стало тихо. Глеб приподнял брови. Вершинин снял очки.

- Это не вопрос повестки, Ольга Сергеевна.

- По-моему, это главный вопрос повестки. - Она не опустила глаз. - Если вы ее любите, значит, никакой схемы нет. Схемы с любимыми не делают, это плохой бизнес.

Я посмотрел на распечатку. На Нику в пальто поверх пижамы с филинами.

- Я на ней женат, - сказал я. - Пять лет. По-настоящему. Остальное я скажу сначала ей, а не совету директоров.

Ольга кивнула и что-то записала в блокнот. Мне показалось, что это было слово «да».

Голосовать не стали. Председатель, отцовский, седой Вершинин, сказал, что вопрос требует дополнительного изучения, и перенес его на следующее заседание. Комитет по рискам опять не создали. Глеб улыбнулся, собрал свои распечатки и вышел первым.

Вершинин задержался. Подождал, пока все выйдут, и подошел ко мне.

- Матвей Андреевич. - Он говорил тихо. - Я сорок лет в бизнесе. Видел многое. Ваш отец вас бы сегодня не узнал.

- В хорошем смысле?

- Не знаю, - сказал Вершинин честно. - Он бы на вашем месте сел. И подал бы на развод.

Он ушел. Я остался в пустой переговорной. Овальный стол, семь стульев, распечатки, забытые кем-то. На одной из них, той, что лежала перед местом Глеба, на полях была подпись. Глеб расписался на копии повестки, как всегда, автоматически, ставя галочку участия.

Я взял лист. Посмотрел.

Подпись была быстрая, размашистая. Без точки.

Обрадовался я или нет, сказать не могу.

Телефон завибрировал. На экране было имя, которое я не видел там восемь месяцев. С тех пор, как он вернул мне компанию на инвестфоруме и уехал лечиться в Германию.

«Отец».

Я смотрел на экран три звонка. Потом ответил.

- Матвей. - Голос был старый, сухой, с хрипотцой после химии. Но интонация та же, что тридцать лет назад, когда он спрашивал меня про оценки. - Мне позвонил Вершинин. Сказал, ты сегодня защищал какую-то женщину перед советом.

- Свою жену.

Пауза. Долгая. Я слышал, как он дышит.

- Приезжай в субботу, - сказал отец. - Ко мне, в Комарово. Нам надо поговорить. О твоей жене. Я кое-что о ней знаю, чего не знаешь ты.

Глава 19. Метель

«Метель» мне подсунул Лазарь Моисеевич.

Он позвонил во вторник, сказал, что вспомнил кое-что важное, и попросил заехать. Я заехала. Важное оказалось тонкой книжкой в зеленом переплете, издание пятьдесят шестого года, «Повести Белкина».

- Прочтите, - сказал он. - Вторую повесть. Это про вас.

- Лазарь Моисеевич, я читала Пушкина в школе.

- В школе вы читали Пушкина, потому что надо было. А теперь прочтите, потому что надо вам. - Он постучал пальцем по обложке. - И не спорьте со стариком, у меня давление.

Я прочитала в тот же вечер, на диване в гостиной, под лампой, пока Матвей работал в кабинете.

Девушка Марья Гавриловна собирается тайно венчаться с бедным прапорщиком. Ночью метель. Прапорщик плутает и опаздывает. А в церкви ее венчают с незнакомцем, который заехал туда случайно и решил, что это забавно. Незнакомец уезжает. Она его не помнит в лицо. Проходят годы. Она встречает мужчину, который ей нравится, и он признается, что женат: однажды в метель обвенчался на шутку с незнакомкой и не может ее найти.

И оказывается, что это она.

Я закрыла книгу. Положила ее на колени. Посмотрела в окно, на Петропавловку в ночной подсветке.

Потом снова открыла. Перечитала последнюю страницу.

«Так это были вы! И вы не узнаете меня?»

Я захлопнула книгу так громко, что Валерий Петрович на подоконнике вздрогнул.

Матвей выглянул из кабинета.

- Что случилось?

- Пушкин, - сказала я. - Украл наш сюжет.

Он подошел, взял книгу, посмотрел на обложку. Поднял брови.

- «Метель»?

- Вы читали?

- В школе.

- Перечитайте. - Я встала. - Это невыносимо. Двести лет назад человек придумал ровно то, что с нами случилось. Даже то, что он ее не помнит, а она его. Даже то, что жених был трезв, а невеста не в себе. Только у Пушкина метель, а у нас фотозона.

- И у Пушкина никто не подделывал заявление, - сказал Матвей.

- У Пушкина вообще никто ничего не подделывал. Там все случайно. Судьба. - Я сказала это слово с отвращением. - Я ненавижу слово «судьба». У меня на работе его говорят чаще, чем «здравствуйте». «Такая у него судьба». Нет. Не судьба. Кто-то пришел в ЗАГС в хорошем пальто и заплатил пятьсот тысяч.

Матвей молча открыл книгу. Пролистал. Остановился на последней странице. Прочитал. Я видела, как у него дернулся угол рта.

- Она тоже злилась? - спросил он. - Марья Гавриловна. Когда узнала.

- Нет. Она побледнела и бросилась ему в ноги.

- А вы?

- А я поеду в ЗАГС, - сказала я. - Сейчас.

- Сейчас девять вечера.

- Архив работает до восьми. Но Тамара Ильинична берет работу домой и сидит там до десяти. Я ей звонила.

Тамара Ильинична, та самая сотрудница архива в бежевом костюме, за последний месяц стала моей почти подругой. Я принесла ей три коробки конфет и один раз помогла оформить похороны ее тетки без очереди в крематорий. Теперь она называла меня «Никушей» и пускала после закрытия.

Матвей взял ключи от машины.

- Вы не обязаны, - сказала я.

- Знаю, - сказал он. - Поехали.

Он надел куртку прямо поверх домашней футболки. Я перестала считать, сколько раз мы это говорили. Это стало чем-то вроде пароля.

В машине он сказал, глядя на дорогу:

- Марья Гавриловна, между прочим, ждала его три года.

- А я пять.

- Вы не ждали. Вы понятия не имели, что замужем.

- Не придирайтесь к классике, - сказала я. - Классика этого не любит.

В архиве было темно, горела только настольная лампа в кабинете Тамары Ильиничны. Она сидела в вязаной кофте поверх бежевого костюма и пила чай из термоса.

- Никуша, - сказала она. - И муж. Ой, какой. Садитесь. Что надо?

- Само заявление. Оригинал. Не копию. И все, что к нему приложено.

Тамара Ильинична ушла в хранилище и вернулась через десять минут с папкой. Разложила на столе.

Заявление. Подписи с точками. Квитанция об оплате госпошлины, тоже на наши имена. Отметка о приеме: «Принято. Ковалев Э.В.» И дата.

И копии паспортов.

Паспорт Матвея: разворот с фотографией, обычная ксерокопия, чуть смазанная. Мой паспорт: тоже разворот, тоже фотография. Мне на ней двадцать, я только что поменяла паспорт, волосы длиннее, лицо круглее, испуганное.

А в углу копии моего паспорта стоял штамп. Синий, прямоугольный, чуть расплывшийся.

«Копия верна. ИП Савельева З.П.»

Я смотрела на штамп и не могла вдохнуть.

Это был наш штамп. Бюро. Бабушкин. Им мы заверяем копии документов сотрудников для личных дел, для налоговой, для проверок. Он лежит в верхнем ящике бабушкиного стола в конторе уже тридцать лет.

- Никуша? - Тамара Ильинична тронула меня за руку. - Ты бледная.

- Это наш штамп, - сказала я. - Копию моего паспорта сделали в нашем бюро. Из моего личного дела. В нашем архиве.

Матвей наклонился над столом. Посмотрел на штамп. Потом на меня.

- Кто имел доступ к архиву пять лет назад?

- Бабушка. Я. Бухгалтер, она умерла. Проверяющие.

- Какие проверяющие?

Я закрыла глаза. Попыталась вспомнить ту весну. Пять лет назад. Март или апрель. Бабушка тогда сказала: «Опять проверка, из Роспотребнадзора, вежливый такой мужчина, полдня сидел в архиве с нашими личными делами, все переписывал». Я тогда не обратила внимания. У нас каждый год проверки. Я была занята: хоронили депутата районного совета, был скандал с венками.

- Бабушка говорила, приходил проверяющий, - сказала я медленно. - Вежливый. Сидел в архиве полдня. Весной, за пару месяцев до свадьбы Киры.

- Она его запомнила?

- Не знаю. - Я открыла глаза. - Но она запоминает всех, кто сидит в ее архиве. Она до сих пор помнит, в каком году пожарный инспектор пролил чай на документы за шестьдесят восьмой год.

Я достала телефон. Набрала бабушку. Было половина десятого, она не спит до полуночи, смотрит передачи про суды.

- Бабушка. Пять лет назад, весной, у нас в архиве был проверяющий. Из Роспотребнадзора. Ты помнишь его?

В трубке было тихо. Потом звякнула чашка.

- Помню, - сказала Зоя. - Как не помнить. Он мне еще коробку конфет оставил. «Красный Октябрь». Седой, высокий, в пальто, как у министра. Руки ухоженные. Запонки золотые. Я еще подумала: зачем проверяющему из Роспотребнадзора золотые запонки?

Глава 20. Запонки

Эдуард умер в четверг, в пять утра. Медсестра с крестиком позвонила мне в пять пятнадцать.

- Тихо ушел, - сказала она. - Во сне. Я заходила в четыре, он еще дышал. Просил передать вам, если что, диктофон. Он вчера весь вечер что-то наговаривал. Отворачивался к стене и шептал. Я не слушала.

- Спасибо. Я приеду.

Я встала, оделась в темноте. Черный костюм, волосы в узел. Это у меня занимает четыре минуты: семь лет тренировки. Матвей вышел из своей комнаты, когда я надевала ботинки в прихожей. Он ничего не спросил. Посмотрел на мой костюм, и объяснять не пришлось.

- Я с вами, - сказал он.

- Это работа.

- Я знаю. Я не буду мешать. Я буду возить.

В хосписе пахло антоновкой и рассветом. Эдуард лежал на кровати, уже без кислородной трубки, с закрытыми глазами. Лицо у него разгладилось, как бывает почти у всех. Смерть стирает с лица заботы. Это единственное, что она делает бесплатно.

- Он что-нибудь говорил вечером? - спросила я у медсестры.

- Спросил, придете ли вы на похороны. - Она поправила крестик. - Я сказала: так она же их и устраивает. Он засмеялся и говорит: «Значит, точно придет. Хоть один гость гарантирован».

- Еще что-нибудь?

- Просил окно открыть. Хотел, говорит, послушать, как дворник снег скребет. Сказал, что это похоже на аплодисменты.

Я сделала то, что делаю всегда. Проверила документы. Позвонила в морг. Договорилась о перевозке. Подписала бумаги. Медсестра смотрела на меня и, наверное, решила, что я бесчувственная. Все так думают в первые полчаса. Потом приходят благодарить.

Только когда санитары переложили его на каталку, я заметила на тумбочке красную бабочку в белый горошек. Аккуратно сложенную. Рядом лежала записка, на листке из блокнота, неровными буквами:

«Для Савельевой. В гроб. Чтобы смешно было».

Я положила бабочку в карман пиджака. Руки у меня не дрожали. Они никогда не дрожат на работе. Дрожать они начали потом, в машине, когда Матвей завел двигатель и я заметила, что держу бабочку в кулаке так, что пальцы побелели.

- Почему вы так ее держите? - спросил он тихо.

- Он хотел, чтобы было смешно. А мне не смешно.

- Будет, - сказал Матвей. - Вы умеете делать так, чтобы людям было как надо. Даже когда им самим не смешно.

- Откуда вы знаете?

- Я видел вас на похоронах капитана. Матросы смеялись.

Больше он ничего не сказал. Положил ладонь поверх моего кулака и не убирал, пока мы не доехали до Кронверкского.

Диктофон был старый, кнопочный, с треснувшим экраном. Мы сели на кухне. Кофемашина шипела. Матвей налил два кофе и сел напротив. Я нажала «воспроизвести».

Сначала было долгое шипение. Кашель. Потом голос, слабый, с паузами на вдох.

«Это Ковалев. Эдуард Владимирович. Говорю для Савельевой. И для жениха. Обещал рассказать. Рассказываю».

Пауза. Кашель.

«Человек пришел в ЗАГС в апреле. Пять лет назад. Высокий, седой. Лет шестьдесят. Пальто темное, длинное, хорошее. Говорил вежливо, как врач, который сообщает диагноз. Сказал, что от Андрея Ильича. Что Андрей Ильич беспокоится о сыне. Что сын пропадет один, а девушка хорошая, честная, работящая. Что это подарок. Свадебный. Что потом они сами разберутся».

Матвей сидел неподвижно. Смотрел на диктофон.

«Он принес копии паспортов. Ее копия с печатью какого-то бюро. Его копия чистая. И образцы подписей. Ее на каком-то договоре, его на деловых бумагах, на бланке компании. Попросил, чтобы я подделал заявление сам. Я умел. Я в ЗАГСе двенадцать лет, я видел десять тысяч подписей. Я ставлю точку после фамилии. Привычка. Я ее везде ставлю. Я и тут поставил. Дурак».

Шипение. Длинная пауза.

«Деньги он отсчитывал у меня в кабинете. Наличными. Пятитысячными. Я смотрел на его руки. Руки у него были ухоженные, ногти как у женщины. И запонки. Золотые. Квадратные, с черным камушком посередине. Он когда руку поворачивал, я видел обратную сторону. Там были буквы. Гравировка. А и Л. Я еще подумал: Андрей Ланской. Значит, правда от отца. Значит, все честно. Я поверил».

Я посмотрела на Матвея.

Он сидел очень прямо. Лицо было белым, как в тот раз, в Кудрово, над брачным договором. Нет, белее.

«Через три года он пришел снова. Тот же. Седой, в пальто. Но запонок уже не было. Обычные пуговицы. Попросил печать матери. Я дал. Я не спросил зачем. Я никогда не спрашивал. Я всю жизнь не спрашивал».

Кашель. Долгий.

«Савельева. Простите меня. Вы хорошая. Вы мне похороны сделали, когда я еще живой. Мне никто никогда ничего не делал. Простите. И жениха простите, он тоже не виноват. Его тоже использовали. Как меня. Как вас».

Щелчок. Тишина.

Я выключила диктофон. Кофе остыл. Валерий Петрович на подоконнике стоял неподвижно, как свидетель на опознании.

- Матвей, - сказала я.

Он не ответил. Встал. Подошел к окну. Стоял спиной ко мне, глядя на Петропавловку.

- Квадратные, - сказал он наконец. - С черным ониксом. Гравировка «А.Л.» на обороте. Мама подарила их отцу на свадьбу. Тридцать восемь лет назад. Он носил их каждый день. Даже на тот форум, где сказал, что у него нет сына.

- Значит, это был ваш отец?

- Отцу семьдесят два. Пять лет назад ему было шестьдесят семь. Высокий, седой, вежливый, как врач, который сообщает диагноз. - Он сказал это ровно, без интонации. - Да. Похоже на отца.

Я встала. Подошла к нему. Не коснулась. Встала рядом, плечом к плечу, как в банке на диване.

- Но, - сказала я.

- Что «но»?

- Вы на совете смотрели на запонки Глеба. Вы мне сами рассказывали. Какие запонки были на Глебе?

Он медленно повернул голову. Посмотрел на меня.

- Квадратные, - сказал он. - Золотые. С черным камнем в центре.

Тишина. Где-то внизу, на Кронверкском, проехал трамвай.

- Отец подарил ему свои запонки? - спросила я.

- Не знаю. Я не видел отца восемь месяцев. Я не видел запонок отца на отце, кажется, лет пять.

Пять лет.

Он достал телефон. Посмотрел на экран. Суббота, Комарово, «нам надо поговорить о твоей жене, я кое-что о ней знаю».

- В субботу я еду к отцу, - сказал он.

- Мы едем, - сказала я.

Он посмотрел на меня долго.

- Вы не обязаны.

- Знаю, - сказала я. - Поехали.

Похороны Эдуарда были в пятницу. Я сделала все, как обещала. Музыка. Илья играл «Прощание славянки», на этот раз маршем, громко, как он хотел бы. Пришли Кира с Сергеем, Лазарь Моисеевич, Николай Степанович и две медсестры из хосписа. Восемь человек. Для человека, у которого никого не было - это было много.

В гроб я положила красную бабочку в белый горошек. Николай Степанович посмотрел на нее и вдруг засмеялся. Громко, хрипло, на весь зал. И все засмеялись вслед за ним, сквозь слезы, и смеялись долго.

Эдуард хотел, чтобы было смешно. Я первый раз в жизни исполнила такое пожелание клиента дословно.

Глава 21. Комарово

Дача Андрея Ильича Ланского стояла за Комаровским кладбищем, в соснах, в двух шагах от залива. Двухэтажный деревянный дом с верандой, выкрашенный в темно-зеленый. На воротах табличка «Осторожно, злая собака». Собаки не было. Была сиделка, полная женщина в пуховом платке, которая открыла нам калитку и сказала шепотом:

- Он с утра ждет. Три раза переодевался. Не утомляйте его, пожалуйста. После химии он быстро устает, но никогда в этом не признается.

Матвей всю дорогу молчал. Вел машину по Приморскому шоссе ровно, как несет гроб, и смотрел только на дорогу. На повороте у Репино я положила руку ему на колено. Он накрыл ее ладонью и не отпускал до самого Комарова.

Андрей Ильич сидел на веранде в плетеном кресле, укрытый пледом. Я видела его фотографии в интернете: крупный, седой, с тяжелым подбородком, в дорогом костюме на фоне какой-то стройки. Человек на веранде был половиной того человека. Худой, с запавшими щеками, с редкими седыми волосами после химии. Только глаза остались: серые, как у сына. И руки: крупные, со шрамом через костяшки правой.

Я остановилась на ступеньках.

Я его уже видела.

- Здравствуйте, Вероника Игоревна, - сказал он. Голос был сухой, с хрипотцой. - Вы меня узнали. Я вижу.

- Ветров, - сказала я. - Андрей Ильич Ветров. Октябрь прошлого года. Предварительный договор, полный пакет. Комаровское кладбище, рядом с супругой. Дуб, без резьбы. Музыка: Шостакович, вальс номер два. Без священника. Без речей.

Матвей медленно повернулся ко мне.

- Ветров, - сказал Андрей Ильич, - фамилия моей матери. Я не хотел, чтобы в бюро догадались, кто я. Хотел посмотреть, как вы работаете с человеком, о котором ничего не знаете.

- И как?

- Вы вернули мне деньги. - Он посмотрел на сына. - Я хотел заплатить вдвое, чтобы все было по высшему разряду. Она пересчитала смету, вернула половину и сказала: «Андрей Ильич, по высшему разряду это когда никто не замечает разряда. Переплачивают за похороны те, кто недоплатил при жизни». Я тогда разозлился. Потом не спал всю ночь. Решил, что она права. Я переплачивал всю жизнь.

Матвей стоял на ступеньках. Лицо у него было такое, будто ему на голову упала балка, а он еще не разобрался, больно ли.

- Ты заказал себе похороны, - сказал он. - Год назад. И не сказал мне.

- Я тебе многое не сказал. - Андрей Ильич кивнул на плетеные кресла напротив. - Сядьте. Я не могу смотреть на вас снизу. Шея болит.

Мы сели. Сиделка принесла чай в высоких стаканах с подстаканниками и вазочку с вареньем. Варенье было крыжовенное. Андрей Ильич смотрел на меня, пока я пила.

- Вершинин позвонил мне в среду, - сказал он. - Сказал: твой сын стоял перед советом и защищал жену, как я тридцать лет назад защищал проект верфи. Я спросил, как зовут жену. Он сказал: Савельева. Вероника Игоревна. Ритуальное бюро на Васильевском.

- И вы вспомнили.

- Я вспомнил больше. - Он поставил стакан. - Двадцать два года назад, в мае, ваша бабушка хоронила мою жену. Мать Матвея. Нину. Здесь, на Комаровском, у сосны. Я тогда был не в себе. Зоя Павловна сделала все. Все, понимаете? Я стоял у гроба и не мог сказать ни слова, а она подошла и сказала мне: «Андрей Ильич, говорить не обязательно. Просто стойте. Она видит, что вы стоите». Я это помню двадцать два года.

Матвей не шевелился. Смотрел на отца.

- Поэтому я пришел к вам год назад, - сказал Андрей Ильич мне. - Когда врачи сказали, что у меня год, может, полтора. Я хотел, чтобы меня хоронили те же руки. Ваша бабушка уже старая. Я выбрал вас.

- Вам было известно, что я его жена? Тогда, год назад?

- Нет. - Он покачал головой. - Узнал в среду. От Вершинина. Это было, Вероника Игоревна, самое смешное, что со мной случилось за последний год. Я заказал свои похороны у собственной невестки. Не зная этого.

Я засмеялась. Не смогла сдержаться. Андрей Ильич тоже засмеялся, сухо, кашляя, держась за грудь. Сиделка выглянула из дома с испуганным лицом.

Матвей не смеялся.

- Отец, - сказал он. - Ты сказал по телефону, что знаешь о ней что-то, чего не знаю я.

- Я и сказал. Что она вернула мне деньги. Что твоя мать лежит в земле, которую готовила ее бабушка. Ты этого не слышал.

- Нет.

- Теперь знаешь. - Андрей Ильич посмотрел на сына долго. - Это все, Матвей. Я не за этим тебя звал. Вернее, не только за этим.

- А за чем?

- Вершинин сказал, что Глеб принес на совет брачный договор. Подложный. - Голос у старика стал жестче, в нем проступило что-то из того человека с фотографий. - Расскажи.

Матвей рассказал. Коротко, по пунктам, как на совете. Эдуард. Пятьсот тысяч. «Подарок сыну Андрея Ильича». Седой человек в хорошем пальто. Запонки с гравировкой «А.Л.».

Когда он сказал про запонки, Андрей Ильич перестал дышать. Я видела, как у него на шее остановилась жилка. Потом снова пошла.

- Квадратные, - сказал он. - Оникс.

- Да.

- Нина подарила их мне на свадьбу. - Он смотрел на залив, серый за соснами. - Я их носил тридцать с лишним лет. Каждый день. Пять лет назад, весной, они пропали из шкатулки в моей спальне. Здесь, в этом доме. Я решил, что потерял. Старость. Искал неделю. Потом перестал.

- Кто жил в доме пять лет назад?

- Я. Глеб, он тогда переехал ко мне после развода. Сиделки еще не было, я был здоров. И Крюков.

- Крюков?

- Виталий Крюков. Начальник моей охраны. Двадцать лет при мне. - Андрей Ильич помолчал. - Седой. Высокий. Вежливый. Говорит, как врач, который сообщает диагноз. Я его за это и держал: он умел говорить людям неприятное так, что они благодарили.

Матвей сжал подлокотники кресла.

- Где он сейчас?

- Уволился через полгода после того, как пропали запонки. Сказал, устал. Я выплатил ему выходное пособие. Хорошее. - Андрей Ильич закрыл глаза. - Глеб потом говорил, что Крюков устроился в какое-то охранное агентство. Я не спрашивал, в какое.

Мы сидели молча. Над заливом кричали чайки. Сиделка выглянула снова и снова скрылась.

- Матвей, - сказал Андрей Ильич, не открывая глаз. - Ты подозревал меня? Когда услышал про запонки?

Матвей молчал секунду. Две.

- Да, - сказал он.

- Правильно, - сказал старик. - Я бы на твоем месте тоже подозревал. Я ведь сказал при всех, что у меня нет сына. - Он открыл глаза. - Это была самая дорогая ошибка в моей жизни. Дороже верфи.

Он повернулся ко мне.

- Вероника Игоревна. Договор в вашем бюро. Пункт о музыке. Я хочу изменить.

- Что вы хотите?

- Шостакович остается. Но я хочу добавить одну строчку. В первом ряду должен стоять мой сын. Если он согласится.

Матвей поднялся. Подошел к перилам веранды. Стоял спиной к нам, глядя на сосны.

- Сколько? - спросил он, не оборачиваясь.

- Врачи говорят, три месяца, - сказал Андрей Ильич спокойно. - Столько же, сколько осталось твоему браку. Смешно, правда? Я вчера посчитал.

Глава 22. Пункт четвертый

Обратно мы ехали в темноте. Приморское шоссе, сосны, редкие фонари, залив слева черный, как асфальт. Ника молчала. Я тоже. Радио было выключено.

Отец остался на веранде. Когда мы уходили, он поднял руку с пледа, будто хотел помахать, и опустил.

Три месяца.

У Лахты Ника сказала:

- Остановите.

Я свернул на обочину. Под фонарь. Выключил двигатель. Стало тихо: только ветер с залива и тиканье остывающего мотора.

Она отстегнула ремень и повернулась ко мне.

- Вы не обязаны говорить, - сказала она. - Просто сидите.

Как Зоя Павловна моему отцу двадцать два года назад. «Говорить не обязательно. Просто стойте».

Я сидел. Минуту. Две. Потом положил лоб на руль и закрыл глаза. Она положила ладонь мне на затылок. Тихо, тепло, не двигая пальцами. Так держат голову больного, чтобы он не ударился.

Я не плакал. Я не умею. Отец разучил меня в двенадцать лет, на похоронах матери, когда сказал: «Ланские не плачут при людях». Я просто сидел, уткнувшись лбом в руль, а она держала ладонь у меня на затылке. Долго. Пока не замерзли ноги.

Когда я поднял голову, она спросила:

- Вы знали, что все так плохо?

- Что он лечится, знал. Что три месяца, нет.

- Вы поедете к нему еще?

- Не знаю.

- Поедете, - сказала она. - Я видела, как вы стояли у калитки. Так стоят, когда собираются вернуться.

- Вы опять читаете людей по обуви?

- По спине, - сказала она. - Обувь у вас всегда одинаковая. А спина сегодня была другая.

Домой мы приехали в одиннадцать.

В прихожей она сняла пальто. Я повесил его на крючок. Она расстегнула сапоги. Я стоял и смотрел, как она это делает: наклонилась, прядь выбилась из узла, упала на щеку. Она выпрямилась и убрала прядь. Посмотрела на меня.

- Матвей.

- Да.

- Пункт четвертый.

Я не двинулся. В прошлый раз, в саду хосписа, она сказала эти слова, и я отступил, и оказалось, что не надо было отступать. Теперь я понятия не имел, что делать, и стоял, как дурак, в собственной прихожей.

- Вы опять не расслышали, - сказала она тихо. - Я прошу...

- Вы уверены?

- Вы спрашиваете меня об этом второй раз.

- И буду спрашивать каждый раз, - сказал я. - Это тоже пункт. Я его только что дописал.

Она подошла. Встала очень близко, почти касаясь. Подняла руку и расстегнула верхнюю пуговицу моей рубашки. Медленно. Посмотрела мне в глаза.

- Уверена, - сказала она. - Если передумаю, скажу. Вы остановитесь.

- Остановлюсь.

- Я знаю.

Я поцеловал ее. Не так, как в саду, осторожно, а так, как хотел пять лет. Она ответила сразу, будто тоже ждала, и мы стукнулись о вешалку, и пальто упало с крючка, и никто его не поднял.

До спальни мы шли долго. Коридор в квартире деда оказался длиннее, чем я помнил. На полдороге она остановилась у стены, прислонилась спиной к холодной штукатурке, и я целовал ее шею, там, где она прятала ее под шарфом от Зои Павловны. Кожа пахла лилиями. Она всегда пахла лилиями, даже по воскресеньям, когда в бюро не работала.

В спальне было темно. Только свет с Кронверкского через неплотные шторы, полосами по полу.

Она расстегивала мою рубашку, а пальцы у нее чуть дрожали. Я поймал ее руку.

- Боитесь?

- Нет. - Она подумала. - Да. Немного, но не вас.

- А чего?

- Того, что начинается. - Она посмотрела на меня в полутьме. - Бабушка говорит, я люблю то, что кончается. Кончилось, можно организовать. А это не организуешь.

- Не надо организовывать, - сказал я. - Пусть будет как будет.

Я снял с нее черное платье. Медленно, через голову, и она подняла руки, как ребенок, и засмеялась, когда платье зацепилось за шпильку в волосах. Я вынул шпильку. Потом вторую. Потом все. Волосы упали ей на плечи, темные, тяжелые, длиннее, чем я представлял. Я пять лет видел их только в узле.

- Вы на меня смотрите, - сказала она.

- Пять лет.

- Что пять лет?

- Хотел посмотреть.

Она опустила глаза. Потом подняла и сама потянула меня к себе.

Ее кожа под моими ладонями была прохладная, гладкая, с мурашками на плечах. Я касался ее так, как проверяю несущую стену: всей ладонью, медленно, слушая. Она отзывалась на каждое касание. Вздрагивала. Выдыхала. Один раз сказала «еще», почти неслышно, и я продолжил. Она нашла пальцами шрам на моих костяшках и провела по нему, вдоль, будто читала.

- Откуда?

- Стена. В тот вечер, когда отец сказал про убытки. Лев зашивал.

- Плохо зашил. - Она поцеловала шрам. - Я бы шов ровнее положила.

- Вы не хирург.

- Я хороню людей. Я видела много швов.

Я засмеялся. Она тоже. Мы смеялись в темноте, в постели, полуголые, и это было лучше всего, что со мной случалось.

Потом смех кончился.

Она смотрела на меня снизу, и в полосах света с улицы глаза у нее были темные, почти черные. Зеленое кольцо у зрачка. Левый темнее.

- Матвей, - сказала она и закрыла глаза.

- Уверена?

- Ты спрашиваешь в третий раз, - сказала она. И впервые сказала «ты». - Да.

Я целовал ее грудь, живот, бедренную косточку, белую полоску от резинки. Она выгибалась навстречу, вцеплялась пальцами мне в волосы и говорила «да» так, будто подписывала договор, в котором наконец не было ни одного пункта мелким шрифтом. Когда мои пальцы скользнули ниже, она закрыла глаза, задержала дыхание и сказала тихо, отчетливо: «Не оста-

навливайся». Я не остановился. Я хотел запомнить каждый ее вздох, каждое движение бедер, то, как она сжимает простыню и отпускает, когда я нахожу то, что ей нужно.

Она обхватила меня руками и ногами, крепко, как держатся за перила, когда лестница скользкая. Я двигался медленно, глядя ей в лицо, и видел, как меняется ее лицо: как уходит из него привычное спокойствие, как приоткрываются губы, как она закусывает нижнюю, там, где трещинка. Она шептала мое имя. Не «Матвей Андреевич», не «вы». Имя. Снова и снова, как считают, чтобы не сбиться.

Когда все кончилось, она не отпустила меня. Лежала, прижавшись щекой к моей груди, и слушала сердце. Я гладил ее по волосам.

- Сто двадцать, - сказала она.

- Что?

- Пульс. Я считала.

- Ты все считаешь.

- Это профессиональное, - сказала она сонно. - Сорок две секунды. Столько ты молчал перед тем, как ответить про кольцо на собеседовании. Брагин мне потом сказал.

Я замер.

- Какое кольцо?

- Он спросил тебя, дарил ли ты мне кольцо. Ты молчал сорок две секунды. Потом сказал: «Нет. Пока нет». - Она зевнула мне в грудь. - «Пока». Я это слово потом три дня носила в кармане, как калькулятор.

Она уснула через минуту. Ровно, глубоко, как засыпают люди, которые очень долго не спали.

Я лежал и смотрел на виноград на потолке.

Кольцо лежало в ящике стола в кабинете. Под чертежами верфи. Пять лет.

Я осторожно встал. Ника не проснулась, только перекатилась на мое место и обняла подушку. Я прошел в кабинет босиком, открыл ящик. Скрип. Достал коробочку. Синий бархат.

«Честному человеку».

Я стоял в темном кабинете с коробочкой в руке и подбирал слова. Каждый вариант звучал как просьба. А просит у нас она. Пункт четвертый.

Я вернулся в спальню с коробочкой. Сел на край кровати. Она спала, обняв подушку, волосы рассыпались по наволочке.

Я положил коробочку на тумбочку с ее стороны.

Посидел.

Потом взял обратно. Еще рано. Отец, Глеб, Крюков, совет. Если я отдам ей кольцо сейчас, она подумает, что это из-за отца. Из-за трех месяцев. Из-за того, что мне страшно. А мне и правда страшно.

Я отнес коробочку обратно в ящик, под чертежи. И лег рядом с ней. Она во сне нашла мою руку и положила себе под щеку, как подушку.

Глава 23. Кредит

Договор залога мы подписывали в пятницу, в одиннадцать утра, в том же особняке на Невском, в кабинете Брагина.

Виктор Семенович сидел за столом с подстаканником и смотрел на нас поверх очков так, как смотрят на молодоженов в ЗАГСе пожилые регистраторы: снисходительно и с затаенной нежностью.

- Здесь, - показывал он ручкой. - Здесь. И здесь. Вероника Игоревна, инициалы на каждой странице. Матвей Андреевич, нотариальное согласие у нас, вы его приносили, но банк просит еще расписаться в присутствии.

Мы расписывались. Я на своих страницах, он на своих. Без точек после фамилии. Брагин следил за каждой подписью. Я поймала себя на том, что тоже слежу за подписью Матвея: размашистая, быстрая, деловая, «Л» с маленьким заломом.

Лазарь Моисеевич говорил: подпись это человек, который торопится.

Мы оба не торопились. Мы сидели рядом, плечом к плечу, и когда он передавал мне ручку, наши пальцы касались, и никто из нас не отдергивал руку. Брагин это видел. Он снял очки, протер их и надел обратно, хотя они были чистые.

- Все, - сказал он, собирая листы. - Четыре миллиона поступят на счет бюро в понедельник. Поздравляю, Вероника Игоревна. Ваш прадед может спать спокойно.

- Мой прадед спит спокойно с семьдесят восьмого года. На Смоленском.

- Тем более, - сказал Брагин. И вдруг улыбнулся. Первый раз за все наше знакомство. - Людмила бы вам понравилась. Она тоже шутила про кладбища. Говорила: я хочу лежать на Смоленском, там соседи интеллигентные.

На улице шел снег. Первый настоящий, ноябрьский, мокрый. Матвей раскрыл над нами зонт, тот самый, черный, с серебряной ручкой.

- Тебе в бюро? - спросил он.

«Тебе». После вчерашней ночи мы оба перешли на «ты» и оба делали вид, что так было всегда.

- В бюро. Надо сказать бабушке.

- Я отвезу.

- У тебя совет в два.

- Успею.

Он отвез. Поцеловал меня в машине у ворот бюро, долго, не торопясь, и только когда Илья постучал в стекло с той стороны, раскрасневшийся, с папкой в руках, Матвей отпустил меня.

- Простите, - сказал Илья, глядя в сторону. - Ника Игоревна. Там вдова Петрова приехала выбирать урну. Она нервничает. Я не знаю, что ей сказать про бирюзовую.

- Скажи, что бирюзовая к глазам покойного, - сказал Матвей.

Илья моргнул. Посмотрел на Матвея. Потом засмеялся, неожиданно громко, и сразу прикрыл рот рукой.

- Простите, - сказал он снова. - Это не смешно.

- Смешно, - сказала я. - Иди. Скажи ей про глаза. Я сейчас.

Зоя Павловна, узнав про кредит, сняла очки, перекрестилась, хотя в бога не верила, и налила в чайную чашку коньяку. Две чашки. Одну подвинула мне.

- Пей, - сказала она. - Это за прадеда. И за холодильник. И за твоего мужа, чтоб ему.

- Бабушка, сейчас двенадцать дня.

- В двенадцать дня мы тридцать лет хороним людей. Можно один раз и выпить за живых.

Я выпила. Коньяк обжег горло, и мне вдруг стало тепло, и я сидела в бабушкиной конторе с геранью и калькулятором, и смотрела на календарь на стене.

Календарь был похоронный, рекламный, от поставщика венков. На каждом месяце фотография красивого кладбища. Ноябрь: Новодевичье в снегу. Под фотографией сетка дней. Я машинально нашла дату, когда мы подписали правила в зале прощаний. Двадцать четвертое октября. Отсчитала три месяца вперед. Перелистнула. Декабрь, Волковское. Январь, Литераторские мостки.

Двадцать четвертое января.

Через три месяца после двадцать четвертого октября он подпишет заявление о разводе. Пункт третий его обещания: «Разведусь через три месяца. Подпишу все». Я тогда этого хотела. Я пришла к нему за этим.

Банк дал кредит. Бюро спасено. Мне больше не нужно согласие супруга. Мне больше ничего от него не нужно.

Я сидела и смотрела на двадцать четвертое января. Литераторские мостки. Тургенев, Блок, Салтыков-Щедрин в сугробах.

И мне было страшно так, как не было страшно ни разу за семь лет. Ни на первом прощании, ни на похоронах мамы, ни когда холодильная камера сломалась в июле с тремя клиентами внутри.

Потому что я не хотела двадцать четвертого января.

- Ника. - Бабушка смотрела на меня поверх чашки. - У тебя лицо.

- Какое?

- Как у невесты, которая перепутала зал. Пришла на свадьбу, а тут прощание.

- Наоборот, - сказала я. - Пришла на прощание. А тут...

Я не договорила. Бабушка кивнула, как будто я договорила все.

- Значит, испугалась, - сказала она. - Опять. Я тебе в воскресенье говорила.

- Бабушка, у нас договор. Три месяца. Двадцать четвертого января он подписывает развод.

- А ты?

- Я тоже.

- Хочешь?

Я не ответила. Зоя Павловна допила коньяк, поставила чашку точно в центр блюдца и сказала:

- Договор, Вероника, это бумага. Бумагу можно переписать. Вот людей переписать нельзя. Их можно только похоронить. Иди работай. У тебя вдова с бирюзовой урной.

Вдова с бирюзовой урной ушла счастливая: Илья сказал ей про глаза покойного, и она расплакалась и купила бирюзовую. После нее у меня было окно, и я пошла в архив. Надо было внести изменения в предварительный договор Андрея Ильича Ветрова. Пункт о составе прощающихся. «Первый ряд: сын, Ланской Матвей Андреевич». Он попросил, а я обещала.

Архив был в подвале, под той самой крышей, которую Матвей починил. Пахло старой бумагой и пылью. Сухо. Ни одного подтека. Я нашла папку Ветрова, сделала запись, поставила подпись и печать.

Потом, сама не знаю зачем, пошла к стеллажу с делами двадцатилетней давности. Бабушкины папки. Картонные, с завязками, подписанные ее аккуратным почерком учительницы чистописания.

Май. Двадцать два года назад. Комаровское кладбище.

«Ланская Нина Сергеевна. 41 год».

Я вытащила ее. Картон был мягкий от времени, завязки истрепаны. Папка была тонкая. Квитанции, договор, выписка о месте на кладбище, черновик некролога для «Вечернего

Петербурга». Некролог короткий, три строчки: «скоропостижно скончалась», «любящая жена и мать», «помним, скорбим».

А на полях, сбоку, бабушкиной рукой, синей ручкой, мелко, так, чтобы не бросалось в глаза:

«Причину смерти в некрологе не указывать. Просьба мужа. Сыну не говорить. З.П.»

Глава 24. Список

- Вы влюблены, - сказала Кира.

Мы сидели в кофейне на Среднем проспекте, у окна. Кира ела третий эклер. Она ест эклеры, когда нервничает, когда радуется и когда беременна. Сейчас она не была беременна, я спросила.

- Нет, - сказала я.

- Ника. Ты пришла в кофейню в пятницу в шесть вечера. Ты никогда не приходишь в кофейни. Ты пьешь кофе стоя у окна в бюро и говоришь, что кофейни для людей, у которых нет холодильной камеры с клиентами. Ты улыбаешься в телефон. Ты сказала «Матвей» четыре раза за десять минут. Я считала. Как ты меня учила.

- Это ничего не значит.

- Ты сняла шарф. В помещении. Значит, тебе нечего прятать на шее. Значит, тебе уже все равно, кто увидит.

Я машинально подняла руку к шее. Кира торжествующе откусила эклер.

- Вот, - сказала она с набитым ртом. - Влюблены.

- Нет. - Я достала из сумки блокнот. Рабочий, с логотипом «Тихой гавани». Открыла на чистой странице. - Я тебе докажу. Сейчас составлю список. Причины, почему нет.

- Ника, ты составляешь список, почему ты не влюблена. Ты понимаешь, как это звучит?

- Это звучит как анализ. Я все анализирую.

Я написала: «1».

- Первое. Он застройщик. Я хороню людей. Он строит, я закапываю. Это несовместимые профессии. Как пожарный и поджигатель.

- Пожарный и поджигатель, кстати, отлично совместимы, - сказала Кира. - Один без другого остается без работы. Дальше.

- Второе. У него была одна тарелка.

- Была?

- Сейчас четыре. И сахарница-лебедь.

- То есть он купил посуду ради тебя. - Кира вычеркнула пальцем воздух. - Минус пункт. Дальше.

- Третье. Он встает в шесть сорок и делает сорок отжиманий у окна. Каждое утро. Это невыносимо.

- Ты смотришь?

- Я слышу. Через стену.

- Метровую купеческую стену, - сказала Кира. - Ника, ты лежишь и слушаешь, как мужчина отжимается за метровой стеной. Сорок раз. Ты считаешь.

Я покраснела. Кира ткнула в меня эклером.

- Минус пункт. Дальше.

- Четвертое. Он ставит зубную щетку щетиной вверх.

- Это серьезно, - согласилась Кира. - Сережа ставит вверх. Я с ним шесть лет из-за этого ругаюсь. Записывай, это настоящая причина.

Я записала. Посмотрела на список. Четыре пункта, из них три уже вычеркнуты Кириным пальцем в воздухе.

- Пятое, - сказала я медленно. - У него умирает отец.

Кира перестала жевать.

- Три месяца, - сказала я. - Мы ездили в Комарово в субботу. Он заказал у меня похороны год назад, Кира. Под чужой фамилией. Я ему подбирала гроб, а это был отец моего мужа.

- Господи.

- Нельзя влюбляться в человека перед похоронами его отца. Это профессиональная этика. Я семь лет вижу, как это бывает. Люди на похоронах цепляются за кого попало. Горе сближает. Потом горе проходит, а люди остаются рядом и не понимают, что они тут делают.

Кира долго молчала. Положила недоеденный эклер на блюдце.

- Ника. Вы до его отца уже спали вместе?

- Нет. После. В тот же вечер.

- А целовались до?

- В хосписе. У Эдуарда.

- То есть до. - Кира кивнула. - И ты его попросила. Ты сама мне рассказывала. Пункт четвертый, «я прошу». Это было до отца. Значит, горе тут ни при чем. Минус пункт.

Я посмотрела на список. Пятый пункт. Я его не вычеркнула. Но рука сама потянулась.

- Шестое, - сказала я. - Он пять лет даже не пытался меня найти.

- А фразу носил в кошельке, - сказала Кира. - Ты мне сама рассказывала про Брагина. «Как фотографию». Минус пункт.

- Седьмое.

Я написала «7». Посмотрела на цифру. Ручка остановилась.

- Ну? - сказала Кира.

Я молчала. Кира наклонилась, заглянула в блокнот. Я прикрыла страницу рукой, как в школе на контрольной.

- Седьмое, - сказала я, - мне страшно.

Кира откинулась на спинку стула. Посмотрела на меня с той же смесью ужаса и восхищения, как в тот день в Таврическом саду, когда я сказала ей, за кого вышла замуж.

- Ника, - сказала она мягко. - Это не причина. Это симптом.

- Симптом чего?

- Ты знаешь чего. Ты хоронишь людей. Ты не боишься мертвых. Ты боишься живых. Особенно тех, которые могут уйти. - Она взяла мою руку через стол. - Мама ушла. Ты осталась. Ты решила: больше никого не пускаю, чтобы больше никого не хоронить. А он пришел и встал у гроба капитана. И у тебя не получилось не пустить.

Я смотрела в окно. На Среднем зажигали фонари. Мимо прошла пара: девушка в белой куртке, парень нес над ней зонт и мок сам. Как Матвей на Серафимовском.

- Двадцать четвертого января он подпишет развод, - сказала я.

- А ты хочешь?

- Не знаю.

- Вот это, - сказала Кира, - и есть ответ.

Я вырвала страницу из блокнота, сложила вчетверо и сунула в карман. Кира доела эклер. Мы расплатились. На улице она обняла меня, долго, в своем пуховике, пахнущем ванилью.

- Влюблены, - сказала она мне в ухо. - Я сразу догадалась. Еще когда ты в ЗАГСе сказала: «за человеком, с которым говорила три минуты». Ты тогда сказала это так, будто три минуты это много.

Я шла по Среднему и думала про седьмой пункт. Потом остановилась у витрины цветочного магазина. В витрине стояли лилии, белые, восточные, те самые, из которых мы делаем венки. Продавщица за стеклом увидела меня, узнала: мы у нее закупаемся, и помахала рукой. Я помахала в ответ.

Купила одну лилию. Не для работы. Для кухни на Кронверкском, где на подоконнике Валерий Петрович. Пусть ему будет с кем поговорить.

Я пошла в бюро. Было семь, Зоя Павловна еще сидела в конторе: в пятницу она подбивает недельные счета.

Я положила перед ней тонкую папку из архива. «Ланская Нина Сергеевна». Открытую на странице с черновиком некролога. С синей надписью на полях.

Бабушка посмотрела на папку. Потом на меня. Сняла очки.

- Ты лазила в архив.

- Я вносила изменения в договор Ветрова. Его отца. Бабушка, что значит «причину смерти не указывать»? Что значит «сыну не говорить»?

Зоя Павловна долго молчала. Потом закрыла папку. Положила на нее ладонь, сухую, в пигментных пятнах.

- Это не моя тайна, Вероника, - сказала она. - Я тридцать лет храню чужие тайны. Кто от чего умер. Кто с кем был. Кто кого не пустил на похороны. Это наша работа. Мы не врачи, мы не обязаны говорить правду. Мы обязаны хранить.

- Это его мать.

- Это его мать, - согласилась бабушка. - И его отец. И тайна их обоих. Хочешь знать, спроси у отца. - Она надела очки. - Пока он еще может ответить. У него, ты сама говоришь, три месяца. А у меня, между прочим, давление.

Глава 25. Крюков

Во вторник я снова поехал в Комарово. Один. Ника сказала утром, наливая кофе: «Поезжай. Я вижу по спине». Я не спорил с ее диагнозами. Они пока ни разу не ошибались.

Отец сидел не на веранде, а в кабинете, у камина. Сиделка развела огонь, укрыла ему ноги пледом и ушла на кухню. На столе перед ним лежали бумаги. Я узнал логотип компании.

- Садись, - сказал он. - Я посмотрел отчеты за квартал. Вершинин прислал.

- Зачем?

- Затем, что через семьдесят дней голосование, а Глеб собирает голоса. Двое моих уже колеблются. Вершинин держится, но ему шестьдесят восемь, он устал. - Отец постучал пальцем по бумагам. - Я могу войти в проект. Своими деньгами. Тем, что осталось. И своим именем. Совет меня послушает. Если я скажу, что поддерживаю тебя, Глеб проиграет.

Я сидел в кресле напротив и смотрел на огонь.

- Нет, - сказал я.

- Матвей.

- Нет, отец. Ты один раз уже решил за меня публично. На форуме. «У меня нет сына, у меня есть убытки». Потом так же публично вернул компанию. Я не хочу, чтобы ты третий раз решал за меня при всех.

Он молчал. Огонь трещал в камине. За окном шумели сосны.

- Это не решение за тебя, - сказал он наконец. - Это помощь.

- Помощь, о которой я не просил.

- Ты никогда ни о чем не просишь. - Он посмотрел на меня. - Это у тебя от меня. Я тоже никогда не просил. Даже у Нины. Даже когда надо было.

Я не ответил. Отец опустил глаза на бумаги, собрал их в стопку и отодвинул.

- Хорошо, - сказал он. - Не буду. Но если передумаешь, позвони. Пока я могу держать ручку.

- Где Крюков? - спросил я.

Он поднял голову.

- Я наводил справки, - сказал отец медленно. - После вашего приезда. Позвонил старым знакомым. Крюков живет в Зеленогорске, в своем доме. Работает в агентстве «Бастион». Охрана объектов, сопровождение. Вершинин говорит, «Бастион» обслуживает две компании Глеба. Его личные, не наши.

Я встал.

- Матвей. Не езди к нему один.

- Я поеду не один, - сказал я. - Я поеду с Шиловым. С юристом.

Отец посмотрел на меня так, будто я соврал ему в двенадцать лет про разбитое окно.

Я поехал один.

Зеленогорск в ноябре пустой. Дачи заколочены, кафе закрыты, по набережной гуляет ветер с залива и одна собака. Дом Крюкова стоял на Курортной улице: кирпичный, крепкий, с высоким забором и камерой над калиткой. Я позвонил. Ответили не сразу.

- Слушаю.

Голос из домофона был спокойный, вежливый, чуть глуховатый. Как у врача, который сообщает диагноз.

- Виталий Сергеевич. Это Матвей Ланской.

Пауза. Ровно столько, сколько нужно, чтобы посмотреть в камеру.

- Матвей Андреевич. Проходите.

Калитка щелкнула.

Крюков встретил меня на крыльце. Высокий, седой, прямой, в темном свитере. Лет шестьдесят пять. Руки ухоженные, ногти аккуратно подстрижены. Никаких запонок: свитер без манжет. Он пожал мне руку крепко, сухо, коротко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.